

Луи
Жаклин

*морской
авантурный
роман*

ЗАТЕРЯННЫЕ В ОКЕАНЕ

Морской авантурный роман

Луи Жаколио

Затерянные в океане

«ВЕЧЕ»

Жаколио Л.

Затерянные в океане / Л. Жаколио — «ВЕЧЕ», — (Морской авантюрный роман)

ISBN 978-5-4484-7801-7

Во французской колонии, в тюрьме на острове Ну, расположенном у берегов Новой Каледонии, появляются необычные узники — три китайца, за которыми руководству тюрьмы предписано вести особое наблюдение. Незадолго до этого неизвестные похищают из Лувра древний скипетр Хуанди, священный символ императорской власти в Китае. Читателю предстоит узнать, что связывает эти два события и какие еще приключения ждут героев увлекательного романа «Затерянные в океане», принадлежащего перу неугомонного путешественника, ученого и писателя Луи Жаколио.

ISBN 978-5-4484-7801-7

© Жаколио Л.

© ВЕЧЕ

Содержание

Часть первая. Король смерти	5
I	5
II	10
III	13
IV	17
V	21
VI	26
VII	30
VIII	35
IX	38
X	43
XI	48
XII	52
XIII	56
XIV	59
XV	63
XVI	66
XVII	69
XVIII	72
XIX	75
XX	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Луи Жаколио

Затерянные в океане

Часть первая. Король смерти

I

Солнце садилось на далеком горизонте среди испарений Тихого океана. По небу со всех сторон двигались густые черные тучи, гонимые ветром, готовым превратиться в бурю. Глубокая ночь, мрачная, как все вообще безлунные ночи, постепенно окутывала своим темным покрывалом необозримую водную равнину, окружающую берега Новой Каледонии. Несмотря на это, «Бдительный», броненосный фрегат первого ранга, снялся с рейда с зажженными наблюдательными электрическими огнями, которые искрились, как звезды, на помраченной лазури неба. На носу фрегата сторожевой матрос громко выкрикивал через равномерные промежутки времени свое обычное «Смотри... зорко!» Эти возгласы доходили, как отдаленное эхо, до берегов острова Ну, на котором устроено исправительное учреждение для ссыльных.

Хотя море еще только начинало волноваться, но фрегат на случай урагана был под всеми парами, готовый на борьбу с непогодой в открытом море.

Широкий луч электрического света освещал все извилины берегов острова – все бухты, заливы и прибрежные рощи кокосовых пальм, как бы ища чего-то, как бы намереваясь внезапно открыть готовящееся бегство ссыльных.

Ровно год тому назад на остров были привезены четверо китайцев, которые сразу обратили на себя общее внимание своим странным, загадочным поведением. За это время вокруг них успела сложиться целая серия легенд, из которых, как это почти всегда случается, ни одна не соответствовала истине.

Надобно сознаться, что случай действительно был одним из самых необыкновенных. Никто в Новой Каледонии: ни директор пенитенциарного заведения, ни бюро администрации, ни даже сам губернатор – не знали истинных причин ссылки на их остров этих таинственных заключенных. В один прекрасный день их привезли сюда вместе с обыкновенными ссыльными, но чиновник, принимавший их, не нашел, к своему удивлению, в кондуктном списке никаких сведений ни о причинах их ссылки, ни о ее продолжительности. Только имена их были занесены в список: Фо, Кианг, Лу и Чанг, а затем следовало несколько примечаний:

эти заключенные должны быть предметом самого строгого наблюдения, дабы они не могли убежать;

если они захотят сделать какие-либо признания, то должны быть отведены к исполняющему должность генерального прокурора в Нумеа, который и возьмет у них показания согласно полученным им на этот случай секретным инструкциям;

заключенные всецело должны находиться в распоряжении вышеупомянутого чиновника, с указаниями коего должно сообразовываться и который даже имеет право, под свою личную ответственность, выпустить их на свободу;

по высшему усмотрению, им предоставлено право носить их национальный костюм, равно как и их головной убор, и иметь при себе все вообще, что окажется у них в день их прибытия на место назначения;

наконец, должно тщательно и строго наблюдать, чтобы заключенные не могли сноситься друг с другом.

Эти замечания, исходящие от двух министерств – юстиции и морского, так противоречили всем традициям и обычаям, утвердившимся в храме новокаледонской бюрократии, что все рыцари пера в канцелярии пенитенциарного заведения в один голос заявили, что никогда еще не было видано подобного афронта, полученного из бюро. В течение восьми дней между судебной палатой, административным бюро и канцелярией губернатора происходил беспрепятственный обмен сообщениями, замечаниями, представлениями, ничего, однако, не разъяснявшими и годными лишь на то, чтобы наполнить бумагами не одну дюжину зеленых картонных папок для дел. Короче, этот конфликт угрожал принять эпические размеры, как вдруг следующий же почтовый пакетбот сразу положил конец препирательствам: он привез предписание свыше, согласно которому губернатор должен был предоставить четырех китайцев в полное распоряжение генерального прокурора.

Следовало подчиниться, но любопытство всей чиновничьей части колонии было возбуждено до последней степени, и воображение каждого создавало самые немыслимые рассказы и самые невозможные истории, которые не замедлили наводнить собой весь остров.

Начальник судебной палаты, он же и генеральный прокурор, получил объемистый пакет секретных бумаг, дававших ему подробнейшие инструкции по этому делу; но он был непроницаем, и всякий раз, когда к нему приступали с расспросами, отвечал, что он обязан хранить молчание об этом исключительном деле. Даже сам губернатор не был удачливее в своих попытках узнать суть дела о четырех китайцах, из-за чего между этими двумя высшими лицами колонии в скором времени возникли холодные отношения, так что они даже перестали видаться друг с другом, за исключением официальных случаев.

Тем временем разные предположения о китайцах продолжали расти и расти, и скоро дело дошло до того, что как между чиновниками, так и между колонистами только и было разговоров, что о четырех таинственных ссыльных. О них толковали теперь везде: и в цирке, и на прогулках, и даже за зелеными столами. Одни видели в заключенных лиц, посягнувших на безопасность государства: другие, доказывая неосновательность такого предположения (так как заключенные были не французы, а китайцы), утверждали, что они совершили какое-нибудь отвратительное преступление, которого, в интересах нравственности, нельзя было разоблачать; третьи считали, что если бы заключенные действительно совершили какое-нибудь важное государственное преступление, то замечания, сделанные в их кондуитных списках, не представляли бы такой странной смеси строгости и снисхождения: если, с одной стороны, рекомендовалась строгая бдительность для предотвращения возможного бегства и предписывалось не допускать сношений между заключенными, то, с другой стороны, их не одели в арестантские костюмы, не заковали в цепи и не назначили ни на какие тяжелые принудительные работы. Напротив, им позволили носить их национальные костюмы, оставили им все вещи, какие были при них, и – верный признак того, что они были не обыкновенными преступниками, – одному из них, по имени Фо, дали даже право носить огромное золотое кольцо с брильянтом, стоившее не менее шести тысяч пиастров, или тридцати тысяч франков! Тридцать тысяч на одном из пальцев ссыльного – это уже сама по себе была редкая вещь, но дозволение оставить при себе такую ценность случалось еще реже и решительно исключало всякую мысль о каком-нибудь тяжком преступлении.

Правдоподобнее всего было предположить, что эти четыре китайца оказались замешанными в дворцовом перевороте, происшедшем недавно в Хуэ, столице Аннама¹ и направленном более против французского резидента, чем против короля, хотя последний и должен был бежать со своим премьером Тюйе. Сторонники этого мнения прибавили еще, что китайцы были размещены в четырех домиках на острове Ну, где они пользовались относительной сво-

¹ В 1858 – 1885 гг. Вьетнам был захвачен Францией и разделен на три части: колонию Кохинхину и протектораты Аннам (центральный Вьетнам) и Тонкин (Северный Вьетнам), включенные в 1887 г. в т.н. Индокитайский союз.

бодой, и что каждому из них дали, в роли сотоварища, по одному ссыльному из военных, но из таких, которые преступлением не запятнали своей чести.

Наконец, самое главное доказательство того, что они были не обыкновенными преступниками: в случае преступления разве предоставили бы генеральному прокурору право выпустить их даже на свободу? Конечно, это право дано было ему в силу исключительных условий, неизвестных даже официальному миру, – здесь-то и был настоящий, так сказать, узел вопроса, – но все же никогда осужденные за обыкновенные преступления не пользовались бы подобными льготами.

Одно обстоятельство еще более возбуждало интерес к таинственному делу: правда ли это была или неправда, но только утверждали, будто генеральный прокурор сообщил губернатору, что за китайцами следует смотреть как можно зорче, так как они по прибытии своем на место ссылки прямо заявили ему, что не пройдет и года, как они убегут с острова. Между тем поведение китайцев не давало никакого повода думать о них таким образом; их нельзя было обвинить ни в чем, что бы нарушало предписанные им правила, и никто не замечал за ними ни малейших попыток обмануть бдительность надзора, которому они были подчинены.

Год заключения таинственных ссыльных истекал как раз в тот самый вечер, когда фрегат «Бдительный» зондировал своими электрическими огнями берега острова Ну. Жители, любопытство которых было возбуждено до последней степени, спрашивали себя, каким образом китайцы, если они дали подобное обещание, приведут его в исполнение. Вся Нумеа не спала в эту ночь, и всякий прислушивался, не услышит ли он наконец выстрела из пушки, возвещающего о бегстве заключенных.

Администрация держалась настороже уже в продолжение пятнадцати дней: фрегат постоянно делал обход вокруг острова Ну и каждую ночь освещал своими огнями все побережье: стены пенитенциарного заведения, домики заключенных и бесчисленные бухты и заливчики, изрезывавшие берега острова. Мало того, постоянные часовые были расставлены по всем пунктам, где возможно было пристать какому-нибудь подозрительному судну с целью забрать с собой китайцев, и возгласы матроса на фрегате «Смотри... зорко!» перемежались с беспрепятственными «Слушай!» часовых солдат. Словом, бегство при подобных обстоятельствах было абсолютно невозможно. И однако же многочисленные пари за и против бегства заключались в Нумеа, где часто незначительное само по себе событие приобретало необыкновенную важность. В этой однообразной и потому скучной жизни колонии, где письма и газеты получаются спустя три месяца после их даты, понятен был тот живейший интерес, с каким жители относились к подобному делу и нетерпеливо ожидали его развязки.

В этот достопамятный вечер у генерального прокурора был открытый прием: это значило, что все лица в колонии, которые имели доступ в его дом, могли без особого приглашения прийти к нему побеседовать о чем угодно или поиграть в карты. Дамы и молодые люди постепенно наполняли в такие вечера большую залу, где вечер всегда заканчивался несколькими турами вальса или польки. Прекрасные, в сущности, вечеринки, которые только и могут устраиваться в колониях, где каждый, без всякого принуждения и ничего не стесняясь, может всегда найти себе удовольствие по своему вкусу!

Но в этот вечер никто не садился ни за карточные столики, ни за пианино, потому что всех занимали толки о таинственном деле, интересовавшем решительно весь город.

Хозяин дома, окруженный дамами, с большим трудом отделялся от их нескромных вопросов, хотя делал это с присущей ему изысканной вежливостью; он на все отвечал изящной болтовней, которая так свойственна людям политики и дипломатам, когда окружающее их дамское общество энергичнее, чем следовало бы, пытается добыть сведения о разных служебных вопросах.

Другая очень оживленная группа окружала командира фрегата «Бдительный», капитана Маэ де Ла Шенэ, который на этот вечер оставил судно под командой своего обычного замести-

теля, лейтенанта Пенарвана. Старый морской волк говорил всем и каждому, кто только хотел его слушать, что он готов побиться об заклад на что угодно против возможности бегства таинственных китайцев.

– Изволите ли видеть, сударыни, – ораторствовал он, – пока «Бдительный» находится в водах острова Ну, сам дьявол, своей собственной персоной не сумеет обмануть бдительности Пенарвана!..

Это была единственная игра слов, которую он сумел придумать за всю свою жизнь, и поэтому капитан всегда пускал ее в ход, лишь только представлялся случай. Особенно любил он хвалиться ею перед старшим врачом своего фрегата, самым отчаянным каламбуристом в целом флоте.

– Эй, Морисо! – замечал он не без язвительности. – Не вы ли изобрели эту штуку?

– Нет, капитан, не я, – отвечал обыкновенно неисправимый каламбурист и шутник, – но...

Тут следовала непереводаемая на русский язык игра слов, основанная на созвучии *mais*² и фамилии командира – Маэ, произносимой с некоторой натяжкой, почти как «*mais*». Этот каламбур всякий раз восхищал бравого моряка, и он, потирая руки, восклицал:

– Слишком много остроумия для одного человека, доктор, слишком много! И потому вы не проживете долго, имейте это в виду!

Встретившись на вечере у генерального прокурора, они в сотый раз обменялись своими каламбурами, причем доктор, просто из духа противоречия, начал оспаривать мнение своего начальника о китайцах, хотя внутренне был убежден, что им никаким образом не обмануть зоркости знаменитого фрегата: недаром ведь старый командир его, как только приходилось поручать судно своему заместителю, всякий раз твердил ему:

– Побольше бдительности, Пенарван, побольше бдительности, черт возьми! Это ведь чего-нибудь да стоит – управлять «Бдительным», а?

В середине вечера, несмотря на наступившую непогоду, целая кавалькада молодых людей отправилась по дороге к пенитенциарному заведению. Но они очень скоро вернулись назад, убедившись, что море положительно не допускает в этот вечер ни высадки на берега острова, ни отплытия с него. Таким образом, все, по-видимому, говорило в пользу противников возможности бежать китайцам, и они стали уже довольно громко смеяться над теми, кто держал пари за эту возможность. Эти последние возражали им, хотя уже не очень уверенным тоном, что нужно подождать завтрашнего полудня, так как именно в этот час истекал ровно год со времени прибытия китайцев в колонию.

Но что же, – спросят читатели, – было, в сущности, известно об этом замечательном деле в официальном мире Нумеа, и как вели себя китайцы после прибытия на остров?

Генеральный прокурор Прево-Лемер был человек образованный, с редкими познаниями. Он пять лет провел в Сайгоне и прекрасно воспользовался этим временем для изучения китайского языка, этого основного корня всех языков Крайнего Востока. Благодаря усердным занятиям и своей природной способности к языкознанию он достиг того, что замечательно легко говорил по-китайски и был убежден теперь, что именно благодаря этому обстоятельству ему, а никому другому, поручили это темное дело, тем более что инструкции рекомендовали ему ни под каким видом не прибегать к услугам переводчика, а сноситься с заключенными китайцами исключительно самому.

Видный наружностью, он имел и видное родство. Он приходился шурином командиру фрегата, который был женат на его сестре, и племянником директору большого банковского дома в Париже Прево-Лемер и Ко, исчислявшему свое состояние сотнями миллионов. Он вошел во вкус колониальной бюрократии и быстро сделал карьеру на этом поприще.

² «*Но*» франц., произносится как «мэ».

Ознакомившись с конфиденциальными депешами, которые были присланы ему, прокурор немедленно по прибытии китайцев приказал ввести их к себе.

При первых словах, с которыми он обратился к ним на пекинском наречии, – ибо как из депеш, так и по типу их лиц он сразу признал в ссыльных обитателей столицы, – китайцы тотчас же с заметным волнением подняли головы: без сомнения, после долгих месяцев они в первый раз слышали родной язык в устах чужого человека; но в ту же минуту они поспешили скрыть свои чувства, и это было все, чего генеральному прокурору удалось от них добиться. При всех следующих свиданиях китайцы продолжали хранить упорное молчание. Что бы он им не говорил после этого, он не мог подметить ни малейшего признака того, что они понимают его, – и так было на каждом свидании генерального прокурора с заключенными. Сыны Небесной Империи входили к нему в кабинет, приветствуя его по восточному этикету, с неизменной наивной улыбкой и в глубоком молчании выслушивали обращенные к ним вопросы, потом с тем же восточным приветствием уходили назад.

Одно только обстоятельство, которое, может быть, ускользнуло бы от внимания другого на его месте, было замечено генеральным прокурором, отлично изучившим нравы Дальнего Востока: китайцы, всякий раз как он призывал их к себе, входили к нему, не снимая своих сандалий у дверей его кабинета; это по индо-азиатскому этикету значило, что они входят к младшему, а не к старшему саном. Прокурор делал вид, что не замечает этого, но, без сомнения, он имел причины щадить самолюбие восточных людей, надеясь таким путем скорее успеть в деликатном деле, которое ему было поручено. Может быть, он даже слишком деликатничал с этими людьми, которые преклонялись только перед грубой физической силой, и, может быть, строгость уместнее была бы в обращении с ними. Но, конечно, он имел определенные указания на этот счет в секретной инструкции и потому не мог выходить за пределы, точно ему обозначенные.

Каждое свое свидание с китайцами он заключал следующими словами, сказанными сначала по-китайски, а потом по-французски:

– Вы не хотите ни понимать меня, ни отвечать, но я вас предупреждаю, что вы напрасно ломаете комедию. Я знаю ваш язык не меньше своего и никогда не имел нужды в переводчике, путешествуя по окрестностям Пекина.

Мне известно, кроме того, из депеш, полученных касательно вас, что один из вас, а именно Фо, в совершенстве говорит по-французски и вы прибыли в Европу без всякого переводчика, что парижская полиция тотчас же заметила, когда вы ходили и разъезжали по Парижу без обычного в таких случаях чичероне.

Известно также, что у вас были сообщники или доверенные лица, которые, конечно, находились недалеко от вас в тот самый день, когда вас наконец арестовали, застав при выполнении проекта, с которым вы приехали во Францию.

Словом, вам хорошо известно, чего требуют от вас, и вы не вырветесь из заключения до тех пор, пока не дадите нам полных и обстоятельных показаний, хотя бы из-за этого вам пришлось просидеть тут всю вашу жизнь.

Во время всех свиданий эти люди аккуратно выслушивали одно и то же, постоянно отвечая на это своей неизменной наивной улыбкой.

II

Те, кто знали почти пуританскую строгость генерального прокурора, немало были бы удивлены, если бы им довелось присутствовать при его объяснениях с китайцами, где он бесполезно тратил сокровища терпения и светской мягкости, тогда как сыны Небесной Империи нисколько не стеснялись доводить это терпение до крайних пределов.

Они, как мы уже знаем, входили к нему в кабинет в сандалиях, что по китайским понятиям считается такой же невежливостью, как если бы у нас подчиненный вошел к своему начальнику в шляпе. Но этим не ограничивались знаки неуважения, которое они открыто выказывали по отношению к председателю судебной палаты всякий раз, как являлись к нему по его требованию. Кодекс китайской вежливости очень обширен и полон множества мелких замечаний и формул на всевозможные случаи жизни; он опутывает своими предписаниями все классы китайской иерархии, начиная от императора и кончая последним нищим-чернорабочим. Наши четверо заключенных, помимо своей манеры пренебрежительно держать себя в присутствии генерального прокурора, тщетно пытавшегося заставить их говорить, старались еще показать, что считают его не выше простого комиссионера на доках в Кантоне, и прокурор не показывал даже вида, что замечает подобное отношение к себе.

Раз, впрочем, он не выдержал и решился выйти из границ своей обычной сдержанности: увидев случайно на кольце Фо какую-то надпись, сделанную старыми китайскими иероглифами, он захотел взять у китайца кольцо, чтобы прочесть эту надпись, но последний решительно воспротивился его намерению, опасаясь ли за свою драгоценность или не желая удовлетворить его любопытство. Тогда генеральный прокурор, кликнув конвойных солдат, приказал им схватить китайца и снять с него кольцо. Затем он принялся с трудом разбирать надпись, заключающуюся всего в одном слове, смысл которого, однако, был ему совершенно непонятен: это слово было «Кванг».

Услышав это слово из уст генерального прокурора, который произнес его громко, китайцы вздрогнули и обменялись между собой странными, загадочными взглядами, но в ту же секунду их лица опять приобрели флегматичное и равнодушное выражение. Во всяком случае, настойчивость генерального прокурора, которой на этот раз они должны были уступить, произвела на четырех заключенных глубокое впечатление, так что после этого свидания они ушли без своих обычных улыбок и оскорбительных поклонов.

А генеральный прокурор между тем думал: «Эти люди, несмотря на восточный фатализм, внушающий им равнодушие к жизни, вероятно, уступили бы пыткам и другим средствам, еще до сих пор употребляемым в их отечестве. С предписаниями же, данными мне, от них ничего не добьешься. Впрочем, я думаю, что и там, откуда идут эти предписания, не отказались бы от более энергичных мер, если бы только убедились, что обыкновенные средства ни к чему не ведут. К сожалению, я не могу поступать так, как мне кажется в данное время нужным, — я не должен выходить за рамки данной мне инструкции».

Затем, после нескольких минут размышления, он прибавил:

«Ба! Если бы я получил желаемый результат, то, ввиду важности его, кто бы стал там справляться о средствах, с помощью которых я его добился? Важно ведь одно — иметь успех в этом деле, а все прочее — вещь второстепенная».

С этого дня генеральный прокурор очень редко призывал к себе китайцев, делая вид, что исполняет лишь предписанную ему формальность, и, казалось, потерял даже всякий интерес к этому загадочному делу...

Так прошло немало дней и месяцев, не принеся с собой ничего нового. Китайцы вели уединенную жизнь в пенитенциарном заведении острова Ну, под наблюдением четырех ссыль-

ных, которых дали им как бы в товарищи, а на самом деле, чтобы препятствовать им сноситься друг с другом.

Эти «товарищи» были сосланы не за обычные преступления, как, например, убийство или воровство, а за проступки против военной дисциплины. Так, один из них, осужденный на три года, был сослан за «оскорбление действием» армейского капитана, которого он всякий раз, упоминая о причине своей ссылки, величал «собакой». Фамилия этого ссыльного была Порник из Дуарнене³; он состоял «товарищем» пожилого Фо, владельца кольца с надписью и по всем признакам главного в таинственной банде. Второй и третий, жившие один с Лу, а другой с Киангом, были приговорены к еще большему сроку наказания за избивание четырех жандармов, пытавшихся остановить их, когда они затеяли какой-то невообразимый уличный скандал. Им, может быть, не удалось бы одолеть блюстителей порядка, если бы к ним случайно не присоединился некто Ланжале, прозываемый Парижанином, а также Прекрасным Сердцем, – профессор бокса и всякого мордобития в своем полку. Он как раз проходил в тот момент мимо места, где происходила схватка с жандармами, и не замедлил принять в ней самое горячее участие, «вступившись за честь флота», как он выражался. В короткое время они общими силами так отделали бедных жандармов, что когда к ним на выручку подоспела полиция, то физиономии их оказались похожими на истоптанные и вываленные в пыли яблоки, а мундиры представляли собой клочки сукна. Тут же, кроме того, победители жандармов публично обругали начальника полицейского отряда, покрыв его тучей самых смешных и обидных прозвищ, за что в совокупности и были потом приговорены к пятилетней ссылке и к каторжным работам.

Короче, все четыре «товарища» заключенных китайцев представляли собой замечательные типы людей, способных на все дурное, чрезвычайно ловких, находчивых, ничем не затруднявшихся и ничего не боявшихся. Таких людей может создавать только долговременная служебная лямка во французском флоте, и потому, надо сознаться, что генеральный прокурор сделал не особенно удачный выбор, остановив на них свое внимание и назначив их в «товарищи» к своим заключенным.

Китайцы, как и следовало ожидать, очень скоро сдружились со своими «товарищами», которые относились к ним как равные к равным, за что те были им, понятно, очень благодарны. Спустя некоторое время после прибытия на остров Ну они получили двадцать тысяч пиастров от одного банкира в колонии, и эти деньги им разрешено было употреблять на свое пропитание и прочие нужды. Генеральный прокурор немедленно установил их недельный бюджет, точно определив все, что должно было им выдаваться, – из опасения, конечно, чтобы деньги, при отсутствии определенных статей расхода, не шли на тайный подкуп начальников караулов.

«Товарищи» сами ходили за провизией для своих китайцев и, надо сказать правду, обнаруживали в выборе ее большие гастрономические познания: деликатесные вина, мясо всяких высших сортов, всевозможная дичь, рис первого сорта, изысканные кофе и сигары – таковы были обычные предметы их потребления, которые не всегда мог позволить себе и свободный колонист с приличным годовым доходом! Порник обыкновенно говорил, что если бы и всегда было так, как теперь, то он согласился бы до конца дней своих не разлучаться с Фошенькой – ласкательное имя, данное им обладателю перстня с загадочной надписью.

Остальные «товарищи» тоже держались, разумеется, мнения знаменитого гражданина города Дуарнене и, видя, что они обладают курами, несущими золотые яйца, старались вести себя по отношению к ним благоразумно и осмотрительно. Их единственной заботой было не возбудить чем-нибудь неподходящим неудовольствие косоглазых сыновей Небесной Империи, которые легко могли, в случае неудовольствия, просить генерального прокурора о назначении им новых «товарищей» взамен настоящих.

³ Дуарнене — город во Франции, на полуострове Бретань.

Каковы были подробности этих хороших отношений между заключенными китайцами и приставленными к ним наблюдателями, происходил ли откровенный обмен мыслями между теми и другими, этого с уверенностью никто не мог бы сказать. Надзиратели пенитенциарного заведения, слегка завидовавшие сытой жизни «товарищей», не могли открыть ничего противозаконного в их совместной жизни – ни слабого надзора со стороны приставленных согладатаев, ни попыток заключенных сноситься друг с другом; все шло ровно и спокойно, и служебное рвение надзирателей не приносило ни им, ни начальству никаких существенных результатов. Однако ежедневно по вечерам внимательный наблюдатель мог бы заметить, что в каждом из домиков, где помещались китайцы, шли тихие разговоры, продолжавшиеся до глубокой ночи. Стало быть, заключенные и приставленные к ним ссыльные моряки находили способ разговаривать друг с другом, и с этой точки зрения интересно было бы знать, служил им для обмена мыслями французский язык или китайский, с которым приставленные наблюдатели успели уже достаточно ознакомиться?

Генеральный прокурор был бы более всех других поражен этим открытием, так как, призывая иногда к себе и «товарищей» китайцев, он всегда выслушивал от них один ответ:

– Мы не понимаем по-китайски, господин прокурор, и не можем сказать поэтому, что творится в башках этих типов.

Порник из Дуарнене иной раз при свидании с прокурором прибавлял к этому:

– Они, господин прокурор, такие невежды, что не понимают ни слова по-бретонски!

Порник был бретонец и потому разыгрывал в этих случаях роль наивного простака, думающего, что весь свет непременно должен знать по-бретонски.

Другой, Мариус Данео, разыгрывал такую же роль по отношению к своей родине, Провансу, продолжая в унисон с первым:

– Даже, господин прокурор, по-провански они не знают ничего, честное слово! Это просто невозможные олухи!

О поведении же заключенных они единодушно отзывались с самой лучшей стороны, говоря, что более скромных и покорных людей они и представить себе не могут.

– Мой Фо, – пояснял при этом Порник, – по целым дням все читает свои китайские книги, и случается, что с большим трудом можно вызвать его на прогулку вокруг наших домов!

– А мой китаец, господин прокурор, – прибавлял провансалец, – по преимуществу или спит, или вырезает ящички из мягкого дерева, и тоже не большой любитель прогулок.

Ниже мы узнаем истинные мотивы, заставлявшие этих людей лгать и тщательно скрывать подлинные отношения, какие существовали между ними и заключенными китайцами.

III

В таком положении дело оставалось в продолжение восьми месяцев, и генеральный прокурор за весь этот срок успел не больше, чем в первые дни. Наконец он написал в Париж, что не имеет никакой надежды успешно выполнить возложенное на него поручение, тем более что план, предписанный ему, не дает ни малейшей свободы действий, а потому он просит освободить его от всяких забот по этому делу, передав его кому-нибудь другому.

Вместо ответа Прево-Лемер получил предписание неуклонно продолжать расследование дела, причем в конце бумаги было прибавлено, что «правительство предоставляет ему действовать по собственному усмотрению, вполне полагаясь на его проницательность, опытность и знание местных условий жизни».

Словом, ему давалась карт-бланш, и в случае успеха его, без сомнения, ожидала какая-нибудь высшая награда.

Тогда генеральный прокурор решился привести в исполнение проект, который он давно уже обдумывал и, так сказать, лелеял про себя. Он рисковал многим с этим проектом, но был убежден, что только чрезвычайные средства могут принести желаемый успех и, ввиду важности самого дела, рискнул сжечь корабли.

Но для исполнения упомянутого проекта прокурору нужен был человек, на которого можно было бы вполне положиться, – человек верный, ни перед чем не отступающий, готовый даже пожертвовать жизнью. Такого человека нелегко найти. Любовь к приключениям, решительный характер, храбрость, доходящая до самозабвения, – все это свойства, которые нередко можно встретить в людях; между моряками особенно часто встречаются подобные характеры. Но в данном случае всего этого было мало. Требовались еще высокая степень интеллигентности, безупречность манер и способность производить благоприятное впечатление своей личностью во всех положениях и ролях.

Где было найти подобного человека?

Вот в чем состояла трудность задачи и вот где лежало ее удачное решение!

Не имея возможности найти требуемого человека между офицерами и гражданскими чиновниками колонии, из которых никто даже не согласился бы выступить в качестве явного искателя приключений, генеральный прокурор вынужден был ждать благоприятного случая, который один мог послать ему искомого помощника и исполнителя его предначертаний. Но так как случай никогда не приходит на помощь к тем, кто его просто ждет, то господин Прево-Лемер, напрасно прождав некоторое время, обратился в Париж с просьбой – прислать ему редкую птицу, которую он тщетно надеялся поймать где-нибудь в Нумеа.

Конечно, там, между тайными агентами полиции, должны быть подобные люди, скромные, сдержанные и вполне способные идти неуклонно к цели, которая им будет намечена их начальством.

В начале своих поисков генеральный прокурор думал об одном молодом человеке из ссыльных, обстоятельства которого были известны ему из письма его дяди, парижского банкира. Эдмон Бартес – так звали этого молодого человека – служил в банкирском доме Жюль Прево-Лемера и отличался замечательными способностями, которые сразу обратили на него внимание высшего начальства: в двадцать семь лет он получил уже должность главного кассира в этом обширном кредитном учреждении, с жалованьем в тридцать тысяч франков, и вел свое дело блестящим образом, к полному удовольствию главы банкирского дома. Вдруг, в одно прекрасное утро, в кассе оказался огромный недочет – миллион в кредитных бумагах исчез неизвестно куда. Молодой кассир первый заявил о пропаже денег. Жюль Прево-Лемер был так уверен в его честности, что и не подумал даже о возможности подозревать его, и решительно заявил, что было бы просто глупо разыскивать пропажу в квартире главного кассира.

Но полиция по натуре своей всегда недоверчива: ей случается так часто видеть неожиданное и необъяснимое падение испытанной честности, что ничему она особенно не верит и ни перед чем не останавливается в своих поисках. Не видя нигде никакой путеводной нити, которая помогла бы разъяснить дело, начальник полиции решился сделать обыск в квартире отца кассира, старого генерала в отставке, вся служба которого слагалась из подвигов мужества и чести. И что же? Половина пропавшей суммы, пятьсот тысяч франков, была найдена под паркетной дощечкой в маленьком павильоне, примыкавшем к комнатам Эдмона! Когда последнему сообщили об этом открытии, молодой человек сначала немного было смешался, но потом быстро овладел собой и решительно протестовал против обвинения в воровстве:

– Я сын своего отца; Бартесы не воры и никогда не были ими.

Гордый и спокойный, он отказался от помощи адвоката, говоря, что в адвокатах нуждаются только преступники. На суде он держал себя со спокойным достоинством, не скрывая нерасположения к своим обвинителям, в особенности к Жюлю Прево-Лемеру, который теперь потерял веру в него, и был приговорен к десятилетним каторжным работам.

Но и этот приговор не изменил его решимости. Одному другу своего отца, который принес ему револьвер в тюрьму, он гордо объявил:

– Если бы я сознавал себя виновным, то не довел бы дело до суда; но я хочу жить, чтобы иметь возможность восстановить честь моего отца... и чтобы отомстить за себя, – прибавил он затем.

Таков был человек, на которого обратил внимание генеральный прокурор, так как дядя его, несмотря на все случившееся, просил его смягчить положение молодого человека, уважая его прежнее безукоризненное поведение.

Но все было напрасно: Эдмон Бартес решительно ответил прокурору, что он не желает быть ничем обязанным ни одному из господ Прево-Лемеров. А когда тот прямо сказал ему о возможности смягчить его положение ссыльного, он ему возразил:

– Я не хочу никакого снисхождения, милостивый государь. Если правосудие не имеет способов отличать невинных от виновных, так я сам найду себе правосудие, и горе тем, кто затеял это дело: я буду преследовать их всю свою жизнь, не оставляя в покое ни их чести, ни их состояния, ни даже их детей!..

После этого генеральный прокурор не пытался уже более сблизиться с Эдмоном Бартесом.

Как раз в это время жестокая болезнь, а именно черная оспа, хотя и в довольно легкой форме, обрушилась вдруг на жильцов пенитенциарного заведения. Первый, кто заболел ею, был старый Фо – китаец, очевидно, высшего сословия, чем другие три его соотечественника, потому что последние оказывали ему явные знаки глубокого почтения (когда, понятно, никто не наблюдал за ними). Фо был немедленно отправлен в больницу, где ему пришлось довольствоваться уходом исключительно служителей из туземцев, так как помощи европейских служащих едва хватало на нужды других несчастных, настигнутых болезнью. Эдмон Бартес взял на свое попечение бедного Фо, почти оставленного туземцами, и отдался своему делу с такой преданностью, что рисковал сам заболеть и погибнуть от заразы.

Суеверный, как все восточные люди, больной Фо не мог вынести ни одной минуты уединения и, считая себя окончательно погибшим, плакал и стонал, как ребенок. Бартес выказал тут замечательную самоотверженность: снисходя к капризам больного, он не разлучался с ним во все время острого периода болезни. Фо особенно томился неутолимой жадой; вместо того чтобы давать ему обыкновенное питье, молодой человек готовил ему разные освежительные напитки то из лимона, то из апельсина, то из сока сахарного тростника, которые доставляли больному большое удовольствие.

Благодаря таким стараниям интеллигентного человека Фо пошел на выздоровление, которое шло очень быстро, и китаец вскоре совершенно поправился и мог вернуться в свой домик.

Несомненно, обязанный своим спасением Бартесу, Фо с этого времени стал питать к нему фанатичную преданность, способную на любые жертвы. Убежденный, что был отмечен мрачным гением смерти, он верил теперь, как вообще все китайцы, что молодой европеец мог добиться исключения его из списка мертвых, не иначе как предложив взамен часть собственного существования, которую духи, наблюдающие за человеческой жизнью, согласились прибавить к существованию Фо. Вследствие этого он считал каждый день, который ему определено было прожить на земле, принадлежащим не себе, а своему спасителю от смерти.

Эта вера незримыми, но тем не менее несокрушимыми цепями приковывала все его существо к Эдмону Бартесу. Для него Фо немедленно же по выздоровлении оставил свою роль немого, которую он разыгрывал перед прокурором и прочими лицами, предварительно взяв, однако, с молодого человека клятву, что он будет держать в строгой тайне все, что ему будет сообщено, и никому не скажет, что он, Фо, так же свободно изъясняется по-французски и по-английски, как на своем родном языке.

Находясь еще в госпитале, они обменивались мыслями и вели долгие беседы, никем не прерываемые и вне всяких подозрений со стороны других. Бартес посвятил Фо в историю, бывшую причиной его ссылки, равно как и во все проекты касательно будущего. Он сообщил китайцу, что вся его жизнь будет отдана одной цели – восстановлению чести и мщению; что он употребит всю свою энергию, но отыщет средство бежать из ссылки и отправиться в Австралию или в Калифорнию, где он будет работать на золотых россыпях и составит себе состояние, необходимое для осуществления его великой цели.

Прежде молодой человек мечтал о карьере моряка и даже кончил морское училище, выйдя из него, восемнадцати лет от роду, вторым по успехам. Но по настоянию больной матери, которая вскоре затем умерла, он должен был отказаться от своих планов и, чтобы не быть бесполезным в жизни, поступил на службу к Жюлю Прево-Лемеру, где скоро и составил себе блестящее положение, так неожиданно разрушенное несчастным случаем, о котором мы уже упомянули выше. Теперь он рассчитывал на свои специальные познания и готовился открыть в благодатных землях Австралии или Калифорнии новые залежи благородного металла или даже приняться за старые, разрабатываемые обыкновенно первобытными способами, вместо которых он намеревался применить все новые усовершенствования.

– Мне нужно золото, – настойчиво повторял он каждый раз, беседуя с китайцем, – много золота! Без этого «желтого бога» нельзя ничего сделать во Франции!

– Как и в целом мире, – добавлял старый китаец. – Потом, с удовольствием потирая руки, Фо как бы в раздумье заканчивал:

– Так, так! Нам нужно золото, много золота!

Эти беседы должны были прекратиться по возвращении Фо в его домик, где бравый Порник из Дуарнене встретил своего подопечного со знаками живейшей радости. Но благодаря доброму расположению этого бравого моряка Бартес, пользовавшийся относительной свободой в больнице, мог и тут время от времени посещать ночью своего друга, которому он спас жизнь и к которому незаметно для самого себя сильно привязался.

Однажды утром, когда Бартес шел к директору пенитенциарного заведения со списком больных и выздоравливающих (что он делал ежедневно), он встретил Порника, бесцельно, по-видимому, фланировавшего с трубкой в зубах.

Они обменялись приветствиями, не останавливаясь, так как это было запрещено им: малейшая остановка для разговора, будучи замечена часовыми, подавала повод к целой серии рапортов, уведомлений и объяснений, тотчас же летевших к высшему начальству и грозивших затянуться в бесконечную историю.

– Доброе утро, мсье Бартес!

И на ходу Порник вполголоса небрежно кинул фразу, как бы говоря о чем-нибудь обыденном:

– Не ложитесь в эту ночь, а приходите нас проводить между часом и двумя.

Затем, насвистывая мотив какой-то старой бретонской песни, он пошел дальше своей дорогой.

Бартес напрасно силился разгадать заданную ему загадку. Он понимал только, что приглашение исходит от его друга, и с нетерпением стал ожидать конца дня и наступления назначенного часа.

IV

В этот день, как мы уже сказали, истекал ровно год со времени прибытия четырех китайцев в ссылку и почти полгода, как Бартес должен был надеть костюм ссыльного. Около полудня в колонию прибыл почтовый пакетбот из Сиднея, привезший почту из Франции, и Бартес получил горестное известие о кончине своего отца. Старый генерал не мог пережить бесчестия сына, хотя и был убежден в его невиновности. Узнав об этом роковом событии, несчастный молодой человек не плакал, но впал в мрачное отчаяние, соединенное с бессильной и яростной злобой. У людей его закала всегда бывает так – они не знают слез, но знают зато ненависть и злобу! И Бартес дал себе клятву: быть, когда наступит день мести, беспощадным ко всем, кто прямо или косвенно навлек на него несчастье.

Дождавшись ночи и решив, что буря до известной степени должна ослабить бдительность часовых, он пустился в путь к домикам заключенных, искусно скользя между группами пальм и бананов, и, счастливо миновав двух последних караульных, с саблями наголо и револьверами в руках ходивших взад и вперед, очутился наконец у дверей жилища Фо. Здесь, однако, он остановился в раздумье, увидев, что в окнах домика не было огня. Отсюда Бартес заключил, что Фо и его «товарищ» уже улеглись спать, но вдруг в эту минуту невдалеке от него раздался тихий голос:

– Это вы, мсье Бартес?

Получив утвердительный ответ, тот же голос прибавил:

– Будьте осторожны, – «мухи» снуют вокруг нас, и это просто чудо, что вам удалось незаметно пробраться сюда.

Как, вероятно, уже догадался читатель, говоривший был не кто иной, как Порник из Дуарнене.

Читатель помнит также, что в описываемый вечер был прием в доме генерального прокурора. И вот, как раз в то время, когда особняк последнего блистал огнями, а фрегат «Бдительный» осматривал море и берега острова Ну, красивая трехмачтовая американская шхуна, неведомо откуда взявшись, появилась вблизи острова. На ее мачтах не видно было ни одного огонька. Отважно ныряя среди волн бушующего океана и искусно уклоняясь от электрических фонарей «Бдительного», она держала курс прямо к берегу. Чтобы достигнуть этой цели, судно, проплыв некоторое пространство между двумя островами, Новой Каледонией и Ну, вступило, несмотря на силу ветра и волнение, в узкий проход между рифами и берегами Ну, где было еще опаснее, чем в открытом море. Это был маневр необыкновенно смелый, так как ярые волны могли, как щепку, бросить шхуну на грозные рифы, выдвигавшиеся там и здесь из-под воды, и разбить ее вдребезги! Даже днем плавание в этом месте считалось крайне опасным, ночью же было абсолютно невозможным.

Когда судно дошло до середины узкого прохода, рулевой стал на самом носу его и выдвинул за край борта огромный гарпун, как бы готовясь пустить его в какого-нибудь кита. Шестнадцать человек, составлявшие экипаж «американки», дружно подхватили орудие, раздалась команда и, несмотря на огромную волну, выросшую между судном и берегом, гарпун достиг своей цели: полетев вперед, он глубоко вонзился в твердую землю и натянул привязанный к нему канат. В эту минуту буря разразилась неслыханными ударами грома. Не смущаясь этим, экипаж шхуны не спеша начал переправляться и скоро был уже на самом берегу.

Бал у генерального прокурора близился к концу. Молодые чиновники, адъютанты и офицеры приступили уже к устройству котильона, как вдруг все остановились, точно вкопанные: среди завываний бури вдали отчетливо раздался какой-то короткий сухой звук. То была пушка, уведомлявшая о бегстве из пенитенциарного заведения!

Неуловимая, странная улыбка пробежала при этом по лицу прокурора, но оно тотчас же приняло свое обычное холодное и бесстрастное выражение, так что никто не мог бы догадаться, благоприятствовало ли бегство ссыльных его планам или уничтожало их.

Вскоре телеграф на острове Ну, соединенный прямо с кабинетом губернатора, принес следующее известие: «Китайцы бежали. Эдмон Бартес, Порник и три его товарища исчезли. Двое караульных солдат найдены связанными и запертыми в одном из домов, где содержались бежавшие. На западе виден парус. «Бдительный» ушел в погоню».

Всю эту ночь стража пенитенциарного заведения производила свой обычный дозор, но не могла заметить ничего такого, что бы возбудило ее подозрения. Только на рассвете, когда уже готовились пробить утреннюю зарю, дозорные заметили исчезновение китайцев с их «товарищами». Подняли тревогу, бросились повсюду искать, но поиски были напрасны: ничто не наводило на след беглецов. Невозможно было ничего узнать об этом странном бегстве и от двух караульных, найденных запертыми в одном из домиков: они только говорили, что на часах их вдруг сморил неодолимый сон, против которого они долго, но тщетно боролись, и что дальше они ничего не помнят... Бедняги не смели прибавить, что, когда они становились на часы, Порник поднес им по большому стакану доброй водки и что именно после этого угощения они уснули. За свою оплошность они рисковали быть приговоренными к расстрелу военным судом, но показание врача спасло их: в стаканах, из которых часовые пьют для освежения дозволенный им лимонад, он нашел остатки усыпительного порошка.

С первыми лучами восходящего солнца увидели на западе, на краю горизонта, неизвестное судно, которое на всех парах и парусах несло в открытый океан, пользуясь попутным ветром.

«Бдительный» тотчас же бросился догонять его, но через некоторое время должен был отказаться от своего намерения: неизвестное судно было гораздо легче на ходу, к тому же оно слишком далеко ушло вперед, чтобы можно было надеяться настигнуть его. Командир «Бдительного» был в отчаянии!

Ровно за неделю до этого события на судне из Бордо в колонию прибыл никому не известный господин с изящными манерами, назвавшийся фамилией де Сен-Фюрси. Цель, с которой он приехал в колонию, состояла, по его словам, в основании обширного земледельческого хозяйства в окрестностях Нумеа, для чего требовалась покупка имения. Он имел письма от военно-морского министра к губернатору и к генеральному прокурору, поэтому везде был ласково принят, и все двери раскрылись перед ним. Приезжий всюду говорил, что, владея большим состоянием, он намерен употребить его на пользу края, надеясь совершенно преобразовать Новую Каледонию в сельскохозяйственном отношении. Ему охотно верили, и тем более что это отвечало давним желаниям колонистов – увидеть среди своего окружения какого-нибудь богатого капиталиста из метрополии, явившегося определить подлинную ценность их естественных богатств и приумножить их.

Все видели и радовались, что господин де Сен-Фюрси совершает поездки внутри страны, знакомится с жителями и обстоятельно расспрашивает их об их хозяйстве, о плодородии почвы – словом, интересуется всем, как человек, желающий прочно обосноваться в их крае.

Но все это делалось не более как для отвода глаз, о чем, разумеется, уже догадался читатель. Приезжий капиталист с благородными и изящными манерами был просто сыщик, посланный парижским префектом полиции на помощь Прево-Лемеру, чтобы исполнять его тайные поручения, для которых он давно уже нуждался в подобной личности. Каждый вечер эти два человека сходились для секретных совещаний, целью которых было прочно обозначить дорогу, по которой они должны оба идти в своих дальнейших действиях.

Впоследствии, дня за три-четыре до бегства китайцев, на эти совещания стало допускаться еще третье лицо. Этот третий, всегда тщательно скрывавший свое лицо, чтобы его не могли узнать, был не кто иной, как знакомый нам Ланжале Парижанин, прозванный также Пре-

красным Сердцем. Его склонил принять участие в таинственном деле, столь заботившем генерального прокурора, мнимый де Сен-Фюрси, развернув перед глазами ссыльного картину его будущего благополучия: в награду за свои услуги он, Ланжале, получит не только свободу, но и целое имение с рабочим скотом, лошадьми и всевозможными земледельческими орудиями и будет жить довольной и счастливой жизнью, с каждым годом приумножая свое благосостояние. Быть собственником земли, мирно занимаясь сельским хозяйством, – это была мечта Ланжале, и потому эmissар Прево-Лемера, не желавший, по понятным причинам, опускаться слишком низко в своей роли, без особенного труда уговорил Парижанина принять участие в их деле. Конечно, со стороны последнего это участие походило на предательство. Но ведь, если речь идет о государственном интересе, разве какое бы то ни было поручение может считаться бесчестным для истинного патриота? К тому же, строго рассуждая, Ланжале приходилось изменять только тем, которые доверились ему без всякой с его стороны просьбы о том. Наконец, будучи приставлен наблюдать за заключенным, разве не исполнит он только свою прямую обязанность, донося о каком-нибудь его злоумышлении? Конечно, живя с Чангом, он всегда видел к себе доброе отношение со стороны китайца, но никогда последний не обращался к нему с истинно душевным словом, так что, с точки зрения чести, он, Ланжале, не обязан ему ничем. Напротив, приняв на себя известную обязанность, он должен был подчиняться приказаниям своих начальников...

Все эти рассуждения, ловко подставляемые сыщиком под вопросы совести и чести, окончательно восторжествовали над сомнениями Парижанина и отдали его в полное распоряжение двух ловких людей.

Инструкции, как вести себя, которые Ланжале получил из уст самого генерального прокурора, не отличались сложностью. Они заключались в следующем: ничего не делать и не говорить, ничему не противоречить, за всем наблюдать и не прерывать сношений с де Сен-Фюрси, которому Ланжале должен был, безусловно, повиноваться и всегда сообщать ему о своем местожительстве, где бы оно ни было, так как Парижанин обязан был находиться при Чанге безотлучно, следуя за ним повсюду, как тень, даже в случае бегства его из пенитенциарного заведения. Но прежде всего он должен был быть нем как рыба с тремя другими «товарищами» заключенных китайцев.

Мы должны здесь заметить, что Порник и два прочих товарища его тоже подверглись зондированию со стороны мнимого де Сен-Фюрси, желавшего и их склонить к соучастию в своем деле, но оказали сопротивление и довольно энергичное: они показали ему кулаки, обозвали его «мухой» и «грязной ищейкой» и побожились, что если он не отстанет от них, то они сумеют расправиться с нахалом по-свойски, так что ему долго придется помнить, что значит смущать честных людей.

После такого приема «капиталист из метрополии», господин де Сен-Фюрси, или, попросту, господин Гроляр, как его звали в кругу парижской полиции, должен был отстать ни с чем от товарищей Ланжале и удовольствоваться одним Парижанином. Через три дня после этого состоялось уже описанное нами бегство китайцев, крайне обрадовавшее тех, кто держал пари за возможность этого события. Их противники, разумеется, остались, наоборот, недовольны. Особенно горевал командир «Бдительного». Кроме потери порядочной суммы денег, которую положил себе в карман державший с ним пари доктор Морисо, командир считал, что теперь репутация его «Бдительного» сильно пострадала, получив такой удар, от которого едва ли когда-нибудь оправится.

– Это, конечно, не ваша вина, Пенарван, – говорил он своему заместителю, – так как все необходимые предосторожности были приняты... Но кто бы мог вообразить, что в эту проклятую погоду, да еще ночью, найдутся люди, способные пробраться к острову Ну, не наткнувшись на острые рифы!

Только два человека во всей колонии не были особенно удивлены случившимся событием, хотя и старались казаться удивленными. Генеральный прокурор и господин де Сен-Фюрс могли, если бы захотели, многое порассказать о бегстве китайцев. Но как до этого события, так и после него, они хранили свое обычное молчание.

Пробыв еще некоторое время в колонии, де Сен-Фюрс, или Гроляр, уехал в Австралию под предлогом покупки там необходимых для его предприятий земледельческих машин и более уже не появлялся в Нумеа. Письмо, полученное как раз в это время от Ланжале, имело, конечно, связь с этим отъездом «капиталиста из метрополии».

Никто в Нумеа, где долгое время рассказывали, как о какой-то легенде, о бегстве китайцев, не знал ни истинных мотивов этого происшествия, ни последствий его для лиц, замешанных в нем. Это, однако, не помешает нам очень скоро поднять завесу, скрывающую от читателей все перипетии этой необыкновенной, единственной в своем роде драмы.

V

Всякому известно, по каким соображениям французы и англичане объявили войну Китаю в 1856 году и чем она закончилась. В октябре 1858 года был подписан мир в Тяньцзине. Царствовавший тогда император Гьен Фунг не мог пережить позора своей столицы, Пекина, взятого и занятого «рыжеволосыми варварами Запада». Умирая, он передал императорский престол своему пятилетнему сыну, Куанг Су, под опекой регентства, в котором главными лицами назначены были императрица-мать и принц Кунг, дядя юного императора с отцовской стороны.

Согласно решению верховного совета империи, в котором участвуют все принцы императорской фамилии и наместники главнейших провинций, регентству следовало немедленно обнародовать повсюду сообщение о восшествии нового императора на престол его предков и поспешить с церемонией его коронации. Это было тем более необходимо в связи с тем, что значительная часть монголов, входившая в состав китайской армии, несмотря на окончание войны, продолжала оставаться под началом своих командиров, которые считали себя потомками древних властителей Китая. Они наводняли своими полчищами северо-западные провинции и, по-видимому, мало заботились о повиновении верховной власти и о восстановлении нарушенного войной порядка в государстве. В Пекине прямо опасались, что гордые мандарины не захотят признать пятилетнего Куанг Су императором. Следовало поэтому как можно скорее положить конец междоусобице, приступив к коронации юного богдыхана, ибо лишь таким путем последний становился настоящим императором и мог требовать повиновения себе от всех и каждого в пределах своей империи.

Вот почему в один из дней, непосредственно следовавших за днем смерти старого императора, юный его наследник должен был облачиться в императорский костюм и принять из рук вельмож скипетр Хуан-ди, основателя китайской империи, – скипетр, который один только и дает действительную власть восходящему на престол богдыхану. Эта церемония должна была совершиться в большом зале императорского пекинского дворца, окруженного тройной стеной.

Принятие этого скипетра так важно для вступающего на престол императора, что если бы, например, какой-нибудь принц царствующего дома случайно овладел скипетром до коронации его, то уже этим самым фактом он загородил бы законному наследнику дорогу к престолу, и последний перешел бы к смелому сопернику.

Китайские историки утверждают, что этот атрибут верховной власти был дан Хуан-ди, первому государю Китая, самим Паньгу, высшим существом, бессмертным и вечным, которое, по мнению известного философа Лао-цзы, есть источник и начало всего существующего в мире.

Вместе со скипетром Хуан-ди получил власть над всей землей, – и вот откуда убеждение китайцев, что все прочие земные государи – не более чем вассалы их владыки, обязанные ему беспрекословно повиноваться. От Хуан-ди священный скипетр последовательно переходил ко всем богдыханам и в их числе к Тай-цзу, основателю династии Сун, к его наследникам, затем к чжурчжэньской династии Юань, к представителям династии Мин, последних туземных государей, и, наконец, к славному Сун Ци, который положил начало царствующей в наше время маньчжурской династии Цин, называемых «чистейшими».

Вследствие своего громадного значения скипетр тщательно хранится от покушений других лиц императорской фамилии, тем более что в Китае не существует определенного закона о престолонаследии: царствующий богдыхан может по своему личному усмотрению назначить себе наследника с одним лишь условием: из царствующего дома. Один только царствующий император и старейший из императорской фамилии знают секретное место хранения священ-

ного атрибута, определяемое ему тысячевековым обычаем. Из этого убежища скипетр выносятся только в самых важных случаях, подробно определяемых кодексом китайских церемоний, самым мелочным и придирчивым во всем свете, как мы уже заметили выше.

Помимо своей политической важности, скипетр представляет собой драгоценность высокой стоимости: он состоит из длинной золотой палки, на которую насажена аметистовая рукоятка, Украшенная десятью большими алмазами самой чистой воды. Каждый алмаз стоит сто тысяч таэлей, то есть около семисот тысяч франков, а общая их стоимость равняется, таким образом, сумме в семь миллионов франков, не считая самой палки из массивного золота. Понятно после этого, что уже в силу одной своей чрезвычайной ценности атрибут верховной власти усердно оберегается от покушения похитить его со стороны того или другого претендента на престол.

Чтобы предупредить весьма возможные разные политические конфликты, императрица-регентша решила приступить к коронованию своего сына, не дожидаясь даже узаконенного семилетнего возраста, когда юный император мог уже бесспорно принять инвеституру. Это намерение встретило, однако, сильное сопротивление в совете регентства, который весьма несочувственно отнесся к подобному новшеству. Тогда императрица объявила, что она собственной властью распускает совет регентства и вместо него образует «совет иностранных дел», председателем которого назначает принца Кунга, дядю юного богдыхана.

Первого февраля 1861 года во дворце к этому последнему явился старший камергер женской половины императорского дворца и почтительно доложил ему, что «императрица Нан Ли, да оберегает Небо свет ясных очей ее, желает иметь с ним беседу».

Надо заметить, что нововведение императрицы, распустившей совет регентства, действительно нарушало сложившиеся веками обычаи и церемонии, которые с ног до головы опутывают своими наставлениями китайского государя, и потому принц Кунг мог легко уклониться от свидания с императрицей. Но несмотря на свое право он немедленно решил исполнить желание регентши и отправился в императорский дворец.

Императрица приняла его в «зале цветка лотоса», названной так потому, что в центре ее был устроен мраморный бассейн с фонтаном, в воде которого плавали роскошные бледно-голубые цветы лотоса, дети тропических стран Восточной Азии.

– Принц, – начала императрица, – великий Паньгу наделил вас мудростью, дабы вы были полезны нам вашими знаниями и опытностью. Поэтому мы призвали вас, чтобы посоветоваться относительно сегодняшней церемонии вручения скипетра нашему сыну, Куанг Су, которого, как вам должно быть ведомо, покойный император Гьен Фунг, его отец, избрал своим наследником.

– Мать Сына Неба, – отвечал принц Кунг, – зеркало добродетели, ваши желания суть приказания, которым всякий должен беспрекословно и с величайшей готовностью повиноваться. Но, к сожалению, я должен вам сообщить неприятную новость: скипетр Хуан-ди, который император должен принять сегодня как символ верховной власти, похищен рыжими варварами Запада, и вследствие этого церемония вручения его не может состояться сегодня... Если же попытаться сделать церемонию коронования без вручения скипетра, отложив это последнее на неопределенное время, то что скажут все сановники империи, и не будет ли это неблагоприятным предзнаменованием для нового императора в его грядущей жизни?

Это известие до того поразило императрицу, что она несколько минут молчала, не зная, что сказать; собравшись наконец с силами, она воскликнула:

– Это великое несчастье! Как оно могло случиться? Где хранился скипетр?

– По законам, великая и премудрая государыня, я никому не должен был бы сообщать об этом, но теперь это все равно, так как скипетра нет более на его месте. Он, великая государыня, хранился в загородном императорском дворце, откуда и похитили его варвары, завладев дворцом, ограбив его и сжегши дотла.

– Это великое несчастье! – повторила еще раз императрица. – Но что же нам теперь делать? Все-таки, принц, вы остаетесь самым близким родственником моего сына, и я полагаюсь на вас во всем.

– Доверие матери Сына Неба не будет обмануто! – торжественно ответил принц Кунг. – Не далее как сегодня я виделся с посланником Кванга...

При этом страшном имени императрица побледнела.

– Кванга! – глухо произнесла она.

– Так точно! – подтвердил принц Кунг. – И он сам в эту ночь должен прийти во дворец – для совещания со мной о средствах возвратить скипетр Хуан-ди. Нужно будет принять его, государыня!

– Я боюсь! – возразила императрица.

– Не опасайтесь ничего, государыня: его ненависть к варварам – вот ручательство вам за его верность. Впрочем, вы увидите его через решетку, которая делит приемную залу на две половины.

– Но какая решетка может остановить Кванга? – робко возразила императрица.

Принц Кунг улыбнулся. Не находя уместным оспаривать суеверные убеждения регентши, он ограничился только кратким замечанием:

– Фамилия Цин, в случае какого-нибудь возмущения против нее, не может иметь более надежной поддержки, чем он, Кванг.

– Ну хорошо, – после некоторого раздумья согласилась императрица. – Итак, до вечера, и да поможет вам великий Паньгу!

Она приветственно склонила свой веер, давая понять, что аудиенция окончена, и вышла из «залы цветка лотоса».

Но кто же мог быть этот Кванг, одно имя которого так устало мать юного владыки Китая?

В ответ на это можно сказать следующее. В Китае морские и рыночные разбои так сильны и так хорошо организованы, что правительство, не будучи в состоянии пресечь их, должно поневоле считаться с этим злом. Невозможно встретить человека, занятого каким бы то ни было промыслом на море или на реке, который бы не был в сношениях с обществом пиратов, обладающих большим флотом и неисчислимыми награбленными отовсюду богатствами. Глава этого общества, считающего своих членов миллионами, носит имя Кванга, что значит «властитель над жизнью и смертью каждого», а короче Король Смерти. Он пользуется неограниченной властью и, подобно императору, может по собственной воле назначать себе наследника, вручая ему кольцо, покрытое загадочными знаками и украшенное алмазом самой высокой цены. Приказы его также подобны императорским, потому что всегда формулируются в двух словах: «Трепещите и повинуйтесь!» И действительно всякий, кто бы он ни был, спешит повиноваться, получив какой-нибудь приказ от Кванга, написанный на листке рисовой бумаги и скрепленный его подписью.

Эти пираты исповедуют не буддизм, весьма распространенный в Китае, а особую религию, состоящую из смеси различных более или менее грубых суеверий, остатков религии доисторических времен. Последователи этих верований известны под общим названием «фенг-шуи», что значит «поклонники морских божеств». Они занимаются магией и заклинаниями духов и приписывают своим предводителям, особенно Квангу, сверхъестественное могущество; отсюда понятен тот страх, с которым императрица-регентша отнеслась к сообщению Кунга, что он ждет ночью визита во дворец Кванга, главы всех пиратов и последователей фенг-шуи.

Сверхъестественное могущество Кванга заключается в том, что ему приписывается китайцами вездесущие, то есть способность находиться одновременно в двух различных местах и умение проникать всюду, несмотря ни на какие преграды и запоры. Кроме того, еще

две особенности отличают его от простых смертных: никто не знает его лично и никому неизвестно, где он живет. Даже из членов общества пиратов, за исключением командиров джонок, никто не вхож к нему во дворец, построенный на одном из бесчисленных Зондских островов и окруженный рифами и коралловыми скалами, сквозь лабиринт которых не может пробраться ни один отважный моряк, не зная крайне извилистого и опасного прохода через них. Группа этих маленьких островков, известных в подробности одним лишь китайским пиратам, отмечается на европейских картах названием Опасного архипелага.

Окруженный чисто азиатской роскошью, живет там в своем дворце Кванг, ведя таинственное существование и допуская к своей особе только главарей разбойничьих банд и немногих преданных друзей. Туда к нему стекаются все богатства, получаемые в виде налога от морской и речной торговли, и стекаются уже с давних пор, так как общество пиратов ведет свое начало со времен завоевания Китая маньчжурами. Когда эти последние низложили национальную династию Мин, некоторые китайские патриоты не захотели подчиниться господству чужеземцев и, удалившись за море, образовали независимую державу, которая стала потом убежищем всех недовольных новыми властелинами Небесной Империи. Так, с течением времени возникло это могущество пиратов, столь страшное и опасное для верховной власти китайских богдыханов.

Появление паровых судов ограничило число жертв, подвергавшихся нападениям пиратов; но в скором времени они вознаградили себя увеличением числа речных разбоев, которые они продуманно организовали на всех больших реках империи, не пренебрегая, однако, и некоторыми реками средней величины. Вот почему размер государственных налогов с такого громадного населения, насчитывающего свыше четырехсот миллионов человек, едва достигает до пятисот миллионов франков. С давних пор пираты присвоили себе право обходить всевозможные таможни, не смеющие и подумать о задержании их товаров. Пошлины с них, таким образом, не поступают в государственную казну, и последняя вследствие этого теряет половину своих доходов.

Страшный мандаринам и пекинскому правительству, почитаемый народом как верховный жрец его древней религии, вытесненной буддизмом, Кванг представляет собой в действительности самое могущественное лицо в Китае. Неудивительно, что принц Кунг должен был обратиться к нему с просьбой об изыскании средств, чтобы изъять из рук западных варваров священный скипетр, без которого коронация юного императора не имела никакого смысла.

Кванг имел и в самом Пекине секретную резиденцию, которую он иногда посещал. Это был роскошный дворец небольших размеров, построенный среди садов в старой части города и принадлежавший номинально одному богатому купцу. Там Король Смерти проживал временами так же уединенно, никем не видимый и не знаемый, как и у себя на острове, среди океана. Польщенный обращением к нему принца Кунга, Кванг, случайно находившийся тогда в Пекине, отвечал ему следующим письмом:

«Принцу Кунгу

В час дракона⁴ Кванг будет в городе с тремя стенами и войдет в Тай-го-гьян, где Нан Ли, Свет Неба, и Кунг, Свет Советов, собираются принять его. Он сообщит им то, что следует делать.

Кванг, знающий все, могущий все и видящий все».

Получив такое послание, Кунг немедленно сообщил его автору пароль для прохода во дворец и порядок церемониала, принятого в подобных случаях, но его письмо было возвращено с лаконичной надписью:

«Бесполезно. Кванг проходит всюду».

⁴ Полночь – по китайской кабелистике – примеч. автора.

Принц Кунг был человек недюжинного ума и смеялся над суевериями толпы, отвергая обычные мнения о всемогуществе Кванга.

Однако из любопытства он решил про себя посмотреть, до какой степени доходит могущество главы пиратов.

VI

Императорский квартал в Пекине состоит из трех кругов, заключенных друг в друге и отделенных один от другого стенами. Первый называется Тай-го-тьян; здесь находится дворец, предназначенный для особы самого императора, апартаменты его семейства, великолепные сады с речками, озерами и искусственными горами; здесь также находится знаменитый мост из черной яшмы, представляющий дракона. Неисчислимые богатства хранятся в этом дворце. Второй круг включает так называемый Цу-кин-чинг, что значит «средний дворец», а в третьем круге находится «наружный дворец» – Гуанг-чинг. В день, когда Король Смерти должен был явиться во дворец, принц Кунг удвоил караулы у всех выходов, которые поручено было охранять «императорским тиграм» – так называются в Китае солдаты маньчжурской гвардии, в верности которых убеждает уже одно их происхождение. Он дал им пароль для прохода и объявил, что если кто из них дозволит войти во дворец без этого пароля кому бы то ни было, а тем более какому-нибудь иностранцу, – он немедленно, без всякого следствия и суда, будет казнен.

Большая зала в Тай-го-тьяне, где предполагалось свидание с Квангом, служит обыкновенно императору для приема высших чиновников, а также иностранных послов. Справа эта зала ограничивается позолоченной решеткой с самыми мелкими украшениями; за ней может присутствовать во время аудиенции императорская фамилия, видя и слыша, таким образом, все, но сама не будучи видима. Это делается только тогда, когда аудиенция представляет какой-нибудь интерес. К назначенному часу императрица Нан Ли была уже за решеткой, не без страха готовясь увидеть Короля Смерти – загадочную и таинственную личность, о которой много чудесного наговорили ей еще в детстве (Нан Ли, или Небесный Цветок, несмотря на свое вдовство, была еще молода – ей было всего двадцать два года).

Принц Кунг также прибыл в эту залу, но, согласно требованиям этикета, остался в приемной ее части и здесь сел на свое место, ожидая, когда ему доложат о появлении у дверей Кванга. Час свидания приближался, но принц не мог уловить нигде ни малейшего звука, как ни напрягал он свой слух; напрасно каждую минуту ожидал он увидеть в дверях офицера «тигров», идущего к нему с докладом.. Вот наконец и полночь, которую возвестил своими протяжными криками огромный дракон на дворцовых часах, будя ими уснувший дворец... Вдруг принц невольно вздрогнул: в одном из углов залы, которая слабо освещалась светом одного только канделябра, он заметил неизвестно откуда появившуюся фигуру, шедшую прямо к нему.

Слабое восклицание, раздавшееся за решеткой, дало ему понять, что императрица также увидела это внезапное появление в зале незнакомца.

Приближавшийся к принцу таинственный незнакомец был закутан с головой в покрывало из красного легкого газа, который хорошо скрывал черты его лица от посторонних глаз.

– Кванг! – невольно воскликнул принц.

– Он самый, принц Кунг, – ответил гость спокойно. – Кванг всегда аккуратно приходит в назначенный ему час.

– Добро пожаловать! – сказал принц. – Извини, что сама императрица не может тебя принять лично: придворные обычаи не позволяют этого. Она все-таки может видеть тебя, слышать и давать ответы на твои вопросы.

– Я это знаю, – ответил Кванг. – Небесный Цветок там.

И он показал рукой на решетку, за которой скрывалась императрица, прибавив:

– Ты видишь, принц, что для Кванга ничто ваши ограды и рвы всех трех кругов императорского жилища, равно как и все ваши пароли и солдаты маньчжурской стражи.

Дядя юного императора не скрывал своего удивления перед появлением Кванга, сумевшего неизвестно как проникнуть во дворец, зорко оберегаемый маньчжурскими караулами;

но он не желал доставить Квангу удовольствия думать, будто и принц Кунг разделяет относительно его личности предрассудки толпы, и потому холодно возразил:

– Кванг могуществен, – это я вижу: он имеет сообщников даже в императорских дворцах; но завтра же те, кому в эту ночь поручена была охрана входов в императорский дворец, будут сосланы в Северную Монголию.

– Это было бы напрасно, – заметил Король Смерти. – Никто не пропустил меня сюда; я сам прошел. И если ты хочешь повторить опыт со мной, то я точно так же и завтра могу пройти сюда и когда тебе будет угодно: назначь только день и час. Никто не может помешать мне в этом... Но приступим к делу, так как времени у меня мало, и я им дорожу.

– Я весь к твоим услугам, – сказал принц с легким наклоном головы. – Ты уже знаешь, что драгоценный скипетр, без которого утверждение юного императора на престол его предков было бы невозможно или по крайней мере непрочное, похищен западными варварами во время последней нашей с ними войны. В этом большом затруднении у нас с императрицей-регентшей явилась блестящая мысль – обратиться к тебе за помощью: возврати нам от варваров наш драгоценный скипетр!

– И вы хорошо сделали, обратившись ко мне, – ответил Кванг. – Менее чем через шесть месяцев от сегодняшнего дня вы получите его обратно. Но какая мне будет награда за это не совсем безопасное дело?

– Назначь ее сам, – предложил принц.

– Хорошо! Я требую, чтобы императорским указом Кванг был навсегда утвержден в звании короля всех рек и морей, принадлежащих Китаю.

– С этой просьбой следует обратиться к императрице-регентше, – сказал уклончиво принц Кунг.

– Я согласна, – поспешила произнести Нан Ли, которая, сидя за решеткой, прилежно слушала разговор дяди императора с загадочным человеком в газовом покрывале.

– Императорский указ, – продолжал Кванг, – должен быть изготовлен немедленно, так как я в эту же ночь оставляю Пекин.

– Все будет сделано по твоему желанию, – сказал принц. – Куда нужно будет послать этот документ о твоём новом звании?

– Ты прикажешь передать его какому-нибудь лодочнику на реке, как ты это сделал, вызывая меня сюда. Да хранит Паньгу тебя, императрицу, Небесный Цветок, и юного императора!

И едва принц поднял голову, чтобы послать гостю прощальное приветствие, как увидел, что его уже не было в зале: Кванг исчез так же неожиданно, как неожиданно явился!..

* * *

Истекал уже шестой месяц – установленный срок возвращения драгоценной регалии, а от Короля Смерти не было никаких известий. Императрица начинала уже терять надежду на возвращение скипетра, но однажды утром, покидая свою постель, она увидела на маленьком столике возле нее длинный узкий ящик из сандалового дерева с перламутровыми инкрустациями. Никогда не было у нее в спальне подобного ящика, и потому понятно, с каким изумлением взяла она его в руки и, присев на край кровати, осторожно открыла крышку.

На листке шелковой бумаги, прикрывавшем что-то, было написано по-китайски: «От Кванга». Нан Ли приподняла листок – и увидела драгоценный скипетр Хуан-ди, покоившийся на свертке мягкой материи, а рядом с ним – ослепительно блестящий, огромных размеров алмаз, который величиной своей и блеском превосходил все сокровища императорского дворца!

Глубоко обрадованная таким неожиданным сюрпризом, Нан Ли не стала допытываться, каким образом этот ящик попал в ее спальню, и притом во время ее сна, а тотчас же дала знать

о случившемся принцу Кунгу и велела позвать придворных ювелиров. Последние немедленно явились и приступили к тщательному осмотру скипетра Хуан-ди, чтобы удостовериться в его подлинности, так как драгоценная вещь могла быть подменена поддельной. Но напрасны были сомнения: после долгого и основательного осмотра все убедились, что скипетр был настоящий, тот самый скипетр Хуан-ди, который похитили варвары при ограблении и сожжении ими императорского загородного дворца. Теперь он опять был в руках его законных обладателей, — честь и слава Квангу, для которого нет ничего невозможного!

Что касается подарка Кванга, огромной величины алмаза, то ювелиры в один голос подтверждали, что они не знают равного ему ни по величине, ни по блеску, и оценили его в два миллиона таэлей, то есть почти в пятнадцать миллионов франков! Подарок был во всех отношениях достоин Сына Неба!..

Теперь объясним читателям, как все это случилось.

Глава морских и речных пиратов, он же Король Смерти, немедленно после свидания с принцем Кунгом отправился в Париж, взяв с собой нескольких особенно ловких из своих приближенных. После тщетных попыток проникнуть в императорскую сокровищницу, в которой хранился скипетр Хуан-ди (дело было при Наполеоне III), он пришел к убеждению, что следует воспользоваться днем публичной выставки сокровищ и, пробравшись к витрине, где они будут выставлены, разбить стекло, а потом овладеть предметом своих поисков, ради которого он предпринял такую далекую и небезопасную поездку. Расчет был верен, и его план вполне удался, как это мы сейчас увидим.

В день выставки Кванг вошел в залу, где уже собралось много публики, и, оставив у входа одного из своих людей, направился с прочими к витрине с драгоценностями.

Вдруг у входа раздался выстрел. Вся публика бросилась к месту происшествия, как всегда бывает в подобных случаях. Тогда, оставшись у витрины один со своими помощниками, Кванг быстро разбил стекло и, еще быстрее схватив драгоценный скипетр и самый крупный алмаз, передал их одному из своих людей, который немедленно и скрылся с ними. Этот последний был одет по-европейски и физиономией своей почти совсем не походил на китайца.

В то время как человек с двумя драгоценностями в кармане спешил как можно скорее скрыться из виду, Кванг и три его помощника, которые были не кто иные, как наши знакомцы Лу, Кианг и Чанг, продолжали преспокойно наполнять свои карманы остальными сокровищами, пока не были наконец окружены публикой и арестованы жандармами. И в тот момент, когда их препровождали к полицейскому префекту, человек со скипетром и с алмазом мчался уже в фиакре к вокзалу Северной железной дороги, где он рассчитывал попасть на поезд, соответствовавший отходу пакетбота из Ливерпуля в Индокитай.

Когда факт кражи был обнаружен, полиция тотчас же позаботилась запереть все выходы из залы и никого не выпускать из нее. Кванг и его товарищи были обысканы; похищенные вещи были отобраны у них, но скипетра Хуан-ди и знаменитого алмаза под названием «Регент» не могли найти нигде, несмотря на все поиски и старания.

Можно представить, как были поражены хранители коронных сокровищ и чиновники, заведовавшие выставкой! Опрошенный через переводчика Кванг отвечал с достоинством, что китайцы только взяли обратно скипетр китайского императора, похищенный варварами из летнего дворца; что касается крупного алмаза, то они ничего не знают о нем. Когда же им указали на другие драгоценные вещи, отобранные у них, то Кванг возразил с тонкой улыбкой:

— Надо же было дать время скрыться тому, кто взял скипетр Хуан-ди!

После этих двух показаний он не раскрывал более рта, замкнувшись в самом решительном и ничем невозмутимом молчании.

В ожидании решения высшей власти чиновники предусмотрительно условились молчать о главной краже: тогда были еще слишком живы впечатления китайской экспедиции и публичного порицания как во Франции, так и за границей грабежа летнего дворца, а потому было

бы неуместно, а может быть, даже и прямо опасно поднимать снова недавний вопрос о «национальной чести». И то некоторые журналисты уже доказывали, хотя и негромко, что кража в Лувре есть естественное следствие кражи, совершенной несколько месяцев назад в летнем дворце китайского императора.

Ввиду такого настроения общества в высших сферах не знали, что предпринять. Если не потушить дела, то ведь нужно будет предать виновных в руки общественного правосудия, а что из этого выйдет? Как помешать адвокатам рассматривать дело со всех сторон и открыть в нем некоторую связь с делом о китайском летнем дворце? И что будет, если вдруг виновные будут оправданы – в силу давления на суд общественного мнения?

Плодом этих соображений была заметка следующего содержания, появившаяся в некоторых газетах:

В луврском инциденте не оказалось ничего серьезного, кроме выстрела одного сумасшедшего, вообразившего себя в опасности от мнимых врагов. Что касается коронных сокровищ, то все они целы, и витрина, в которой они помещались, была разбита совершенно случайно неосторожным движением одного китайца, пораженного шумом и испугом публики при выстреле; чиновники же, распорядившиеся выставкой, просто ошиблись, увидев разбитое стекло, и приписали простую случайность, происшедшую от неловкости, покушению на кражу драгоценностей. Арестованные по недоразумению китайцы выпущены на свободу.

В действительности китайцы, как мы это знаем, не получили свободы, а напротив – очень скоро под большим секретом были отправлены в Новую Каледонию. Там они были отданы под наблюдение господина Прево-Лемера, который любым способом должен был возвратить французской короне похищенный ими «Регент».

Мы видели, что генеральный прокурор в Нумеа после многих бесполезных попыток добиться чего-нибудь существенного от китайцев кончил тем, что обратился за помощью к парижской полиции.

Командированный ему на помощь Гроляр при первом же свидании с прокурором посоветовал ему дать китайцам возможность бежать, посвятив наперед в этот план кого-нибудь из их «товарищей». Этот последний должен был даже способствовать бегству и поставить китайцев перед необходимостью взять и его с собой, доказывая, что в противном случае ему после их бегства немисливо будет оставаться в Нумеа.

– Когда первая половина этого плана будет выполнена, – сказал в заключение Гроляр, – вторую половину его я беру на себя. Я буду в переписке с этим товарищем-наблюдателем, и через него мне будет известно все, что станут делать бежавшие китайцы. Как только он напишет мне, что они уехали в Китай, я сам туда поеду и с помощью французского посланника стану отчасти открыто требовать возвращения похищенной драгоценности, угрожая в случае отказа новой войной с Францией отчасти же прибегну к хитрости.

– Делайте как знаете, – отвечал ему генеральный прокурор, – но всеми силами постарайтесь, чтобы наши хлопоты увенчались полным успехом. Имейте в виду, что если этот алмаз не будет возвращен французской короне, то общественное мнение не замедлит обвинить правительство в том, что оно, нуждаясь в деньгах на свою расточительность, отдало драгоценность какому-нибудь ростовщику в залог. Подобная догадка тем более покажется вероятной, когда узнают наконец, что вместо действительного «Регента» в сокровищнице лежит теперь поддельный алмаз, положенный туда для того, чтобы на известное время обмануть глаза любопытных. Можете себе вообразить, что случится, если эта невинная подмена будет обнаружена и принята за злонамеренную!

Сговорившись таким образом, эти два ловких человека предоставили китайцам возможность бежать, надев на себя маски наивных, ничего не ведающих людей...

VII

Бегство китайцев, как мы уже сказали, не удивило ни генерального прокурора, ни Гроляра, его агента; но исчезновение трех товарищей-наблюдателей, которые, по всей вероятности, последовали за китайцами, тогда как с ними должен был бежать один только Ланжале, заставило призадуматься изобретателей этой меры. Прево-Лемер нашел, что Парижанин плохо исполнил то, что ему было поручено. По мысли жреца Фемиды, Ланжале всеми силами должен был бы мешать бегству своих трех товарищей, в крайнем случае даже пригрозив китайцам, что он расстроит их план, если они не согласны будут взять с собой только его одного. Когда прокурор выразил это мнение Гроляру, тот после некоторого размышления сказал:

– Я не совсем разделяю ваш взгляд на это обстоятельство. Конечно, китайцы были очень расположены к Ланжале, но для последнего все-таки было бы крайне трудно предотвратить бегство остальных трех товарищей. Даже более. Ланжале, по моему мнению, рисковал проиграть все дело, если бы начал противиться их бегству с китайцами. К тому же, откровенно говоря, я не вижу опасности для нашего плана в этом исчезновении девяти человек вместо пяти.

– Может быть, – отвечал Прево-Лемер. – Впрочем, бегство Порника и других двух «товарищей» меня самого беспокоит мало. Но вот о чем я теперь глубоко сожалею: что мы не могли помешать бегству с ними Эдмона Бартеса, который поклялся в жестокой ненависти и мщении всем, кто носит имя Прево-Лемер. Я предвижу, что свобода этого человека причинит нам в будущем огромное и непоправимое зло.

– Чего же вы, собственно, опасаетесь?

– Железной воли этого человека и его решимости, которая ни перед чем не отступает, не знает ни усталости, ни страха! Несмотря на благодеяния моего дяди, которыми тот осыпал его, он, желая поскорее разбогатеть, крадет миллион из его кассы! За эту кражу сослали его сюда – и что же? Вместо того чтобы смириться, чтобы раскаяться в своем позорном поступке, он имел дерзость, имея подмоченную репутацию, сказать мне в лицо, что разорения и бесчестия всех Прево-Лемеров не будет достаточно для утоления его мести за смерть отца, которого убило недостойное поведение его сына! Вот его последние слова, которые до сих пор раздаются в моих ушах: «Моя жизнь разбита, моя честь опозорена, моя невеста не существует более для меня, мой отец умер от скорби! Знайте, что я объявляю беспощадную войну всему вашему роду, войну апачей⁵, в которой всякое оружие пригодно! Я вас предупредил – защищайтесь, потому что я буду безжалостен, когда пробьет час правосудия и мщения!»

– Что более всего меня поразило, – продолжал генеральный прокурор, – так это то, что при каждом нашем свидании этот человек настойчиво твердил мне: «Ваш дядя знает, что я невиновен, он хотел спасти честь своего имени ценой моей чести». Не знаю почему, но мне даже кажется, вследствие такой постоянной настойчивости, что дядя мой не совсем был прав в своих подозрениях! А между тем факты говорят другое; они против этого человека: пятьсот тысяч франков были у него найдены; другие пятьсот тысяч исчезли неизвестно куда, и он ничем не мог объяснить этой пропажи! Как бы то ни было, я сделал колоссальный промах, не обратив должного внимания на этого загадочного господина, – мне следовало строже смотреть за ним. Но кто же мог предвидеть, что он будет играть такую роль в нашем деле?! Во всяком случае мне надо принять необходимые меры предосторожности. Буду просить отпуска во Францию и, приехав в Париж, постараюсь предупредить своих, чтобы они были готовы ко всему. Разумеется, если бы мы могли поскорее привести к желанному концу наше дело, тогда, получив место генерального прокурора в самой Франции, я бы знал, что предпринять, – закон

⁵ Племя краснокожих индейцев в Северной Америке, отличающееся своей жестокостью и разбоями – *примеч. автора.*

ведь дает могущественное оружие своим представителям против разных беглых преступников!.. Учитывая все это, действуйте, господин Гроляр, – это мое последнее слово – и пользуйтесь всем, что ни сообщит вам Ланжале, а более всего будьте готовы ко всяким возможным случайностям!..

Неделю спустя после этого разговора Гроляр, как мы уже сказали, уехал из Нумеа в Австралию «закупать сельскохозяйственные машины».

Прежде чем последовать за событиями нашей драмы в ее дальнейшем течении, мы считаем небесполезным дополнить некоторыми подробностями рассказ об Эдмоне Бартесе и его отношении к Прево-Лемерам: мы посмотрим, правы ли были те, кто отправил в ссылку этого молодого человека, и заслуживал ли он строгого отзыва о своей личности со стороны генерального прокурора в Нумеа. Это также даст нам возможность представить нашим читателям некоторых членов фамилии Прево-Лемеров, в ненависти к которой поклялся Эдмон Бартес.

Однако мы не будем возвращаться слишком далеко назад, – мы коснемся лишь того несчастного события, которое привело на скамью подсудимых главного кассира Прево-Лемеров.

В один из чудных вечеров мая, благоухавшего всеми прелестями весны, великолепный особняк банкира Прево-Лемера светился многочисленными огнями, привлекая к себе внимание уличных фланеров. В этот день знаменитый финансист, смелые операции которого удивляли весь Париж, праздновал тридцатую годовщину своего брака и вместе с тем начала своей финансовой деятельности.

Он искренне любил свою жену и детей и – редкая черта в характере капиталистов – посвящал им все свое свободное от финансовых дел время.

Из чувства деликатности он не желал видеть ни одного постороннего лица на своем семейном торжестве, и потому круг участников последнего ограничивался членами его семейства и лицами, служившими у него: все они, начиная от управляющего банкирским домом и кончая последним писарем в бюро, были созваны к столу в этот день.

Жюль Прево-Лемер находился тогда в апогее своей славы, чем он был обязан исключительно умению вести дела, работая неустанно день и ночь, и пользовался благоприятными обстоятельствами. Он был сыном незначительного чиновника, служившего в одном финансовом учреждении в провинции, и уже в шестнадцать лет оставил свой родной городок ради Парижа, где некоторые влиятельные люди нашли ему место у Голдсмитов, знаменитых Голдсмитов, которых иначе не называли, как «королями банкиров» и «банкирами королей». Здесь-то юный Жюль и научился постепенно высшей банковской науке и соединенным с ней различным секретам грандиозных денежных операций.

Старый барон Голдсмит имел привычку показывать своим добрым знакомым бюро, за которым четырнадцать лет работал Жюль Прево-Лемер, выводя на бумагах цифры, – и говорил при этом своим не совсем правильным французским языком:

– Фот бюбитр, с которого начиналь тела малатой Брево-Лемер!

Потом он прибавлял с особенной улыбкой, намекая на стойкость своего финансового дела и на непрочность финансовых дел других лиц:

– Я сокраняй этот пюро, на случай если он фернется!

Но старый «король банкиров» и «банкир королей» ошибался: можно было быть уверенным, как дважды два четыре, что Жюль Прево-Лемер не вернется за свой прежний «бюбитр», видевший его скромные начинания в великой финансовой науке; в случае крушения, которое могло его постигнуть, он скорее согласился бы пустить себе пулю в лоб, чем вернуться к тому, с чего начал, потому что таков уж был у него характер. К тому же подобное событие оказывалось и прямо невозможным: состояние Жюля Прево-Лемера, по последним данным, оценивалось в двести пятьдесят миллионов. С подобным капиталом банк не может подвергнуться краху, если только банкир привык благоразумно избегать слишком рискованных операций, подразумевая

под этим опасную игру на бирже, которую Жюль Прево-Лемер давно уже оставил. Равным образом он постепенно освободился и от вкладов, по которым приходилось платить слишком крупные проценты, и заменил их операциями менее блестящими, но зато с несомненными гарантиями на успех. Так, зная, что в Индии и на Дальнем Востоке можно всегда получить двенадцать – четырнадцать процентов чистой прибыли, он основал свои банкирские конторы в Мадрасе, Бомбее, Калькутте, Коломбо, Сингапуре, Батавии⁶, Шанхае, Гонконге и в Иокогаме. Эти конторы занимались такого рода операциями, где серьезные потери были невозможны: они выдавали вперед деньги под сбор на больших плантациях риса, чая, сахарного тростника, кофе, индиго, опиума, а также лицам, занимавшимся выделкой шелка, и отправляли все эти продукты в Европу. Здесь главная контора, помещавшаяся в Париже, рассылала прибывшие товары на распродажу во все крупные города: Марсель, Бордо, Париж, Гавр, Ливерпуль, Лондон, Амстердам и тому подобное, возвращая себе при расчете свои авансы с надлежащими процентами. Излишки от выручек посылались, конечно, производителям.

Операции эти были так верны, а Жюль Прево-Лемер располагал такими огромными капиталами, что в скором времени он достиг преобладающего значения на всех главных рынках мира.

Все солидные производители обращались к нему и всегда были удовлетворяемы самым основательным образом в своих нуждах. Слава банкирского дома Жюля Прево-Лемера росла и росла. Словом, этот человек родился под счастливой звездой, которая с самого рождения его бодрствовала над ним, старательно удаляя с его дороги все препятствия и преграды, пытавшиеся остановить его шествие к храму славы. Ему никогда не приходилось переживать тяжелых и печальных периодов существования, которые так угнетают людей на их жизненном поприще.

Уже четырнадцать лет работал он у Голдсмитов, когда однажды познакомился с молодым испанцем из Гаваны, маркизом, носившим громкую фамилию; этот маркиз, несмотря на довольно большое состояние, вложенное деньгами в банк Голдсмитов, был давно уже близок к разорению, так как привык проживать несравненно больше того, что получал. И вот как-то при удобном случае Жюль Прево-Лемер сказал ему:

– Если вы будете продолжать ваш образ жизни, то прежде чем пройдет десяток лет, у вас не останется ни гроша из всего вашего состояния.

– Что же делать, – отвечал смеясь молодой человек, – когда банковские билеты тают в моих руках?!

– У вас триста тысяч франков дохода, а вы тратите более пятисот тысяч!

– Ваша правда, но я не могу уже остановиться на моей покатой дороге; остановлюсь разве тогда, когда уцелеет для меня каких-нибудь двенадцать тысяч ренты. Ну, тогда женюсь на какой-нибудь красавице из хорошей фамилии, с хорошим приданым и похороню себя в провинции, где забуду скачки, пари, тонкие ужины, актрис и танцовщиц, всецело поглощенный воспитанием своих детей, уходом за цветами в своем саду и игрой в безик и триктрак с почтеннейшим тестем, а может быть, и с тещей.

– Все это прекрасно, – согласился Жюль Прево-Лемер, – но можно устроиться еще лучше: продолжать тратить по полмиллиона в год и сохранить свое состояние нетронутым, во всей его неприкосновенности.

– Честное слово, если вы можете научить меня искусству тратить деньги, сохраняя их, – я готов буду последовать вашим советам.

– Это очень просто: в прошлом году ваших денег у моих патронов было шесть миллионов и четыреста с лишним тысяч.

– Верно.

– И вы, что называется, выбросили за окно...

⁶ Батавия – столица Индонезии, находится на о. Яве – ныне г. Джакарта..

– ... эти «четыреста с лишним тысяч», и представьте, менее даже чем в десять месяцев.
– Значит, у вас остается всего шесть миллионов ровным счетом, то есть – ни одним су больше того.

– Милейший мой, вы высчитываете так же математически точно, как покойный Баррем, мой бывший банкир!

– Хорошо! Теперь представьте себе, что если бы вы получали десять на сто, то ваши шесть миллионов приносили бы вам ежегодно по шестьсот тысяч франков, тогда как вы теперь получаете едва половину этой суммы. Это шестьсот тысяч вы смело можете проживать, причем ваш капитал останется нетронутым; он даже будет увеличиваться, а вместе с тем и ваш ежегодный доход.

– Все это так, но где же достать десять на сто?

– А вот где, выслушайте меня внимательно.

– Я вас слушаю.

– Я служу довольно долго у моих патронов и знаю секрет валютных операций... Ну, да что об этом много толковать! Доверьте мне ваши шесть миллионов, и я заведу собственный банкирский дом, специально для таких вкладов, как ваш. Тогда я вам гарантирую эти десять на сто.

– Согласен, – сказал маркиз просто, – но предварительно я, со своей стороны, должен кое-что предложить вам.

– Извольте, я вас слушаю, так как во всяком деле одна голова хорошо, а две лучше.

– Может случиться, – сказал маркиз, – что мы вдвоем, хозяйничая в кассе, скорее прогорим, чем если бы хозяином был я один. Ввиду этого, доверяя вам мои миллионы, я требую, чтобы из них была отложена некоторая сумма, ну хоть необходимая для образования двенадцати тысяч ренты, – на черный день; эту сумму вы внесете во французский государственный банк, где, понятно, она будет в сохранности скорее, чем у нас с вами.

– И это все, чего вы требуете? – спросил старый служака Голдсмитов, предвкушая наслаждение от будущего «собственного дела».

– Все. Готовьте акт для подписи!

И акт нового банкирского дома был утвержден на этих основаниях, причем испанец из Гаваны получил также право на пятую долю из чистых прибылей от операций нового финансового учреждения.

Через десять лет после этого вкладчик основного фонда получил, кроме своего взноса, еще двенадцать миллионов, и Жюль Прево-Лемер продолжал дело уже один, с капиталом в шестьдесят миллионов, увеличенным им впоследствии в пять раз.

В год основания своего дома он женился на дочери агента одной разменной кассы («деньги к деньгам», говорили по этому случаю) и взял за ней полмиллиона. Жена его обладала редкой красотой и всеми достоинствами, которые составляют счастье семейного очага.

Холодная, расчетливая и эгоистичная натура, которой обладал Жюль Прево-Лемер, не мешала ему, однако, искренне любить и даже обожать свою жену. Платила ли она ему тем же, – трудно было решить; известно было только, что Жюль Прево-Лемер необыкновенно счастлив и в финансовых делах, и в своей семейной жизни.

У него было три сына. Старший, Поль, двадцати восьми лет, в начале нашего рассказа был капитаном в 4-м гусарском полку; благородный, рыцарский нрав отличал его от многих подобных ему, и в общем он являлся типом французского офицера, который увековечили в своих рассказах Дэталь и Невиль.

Не таков зато был второй сын банкира, Альбер, бывший моложе брата на два года. Красивый и статный, подобно Полю (оба они унаследовали красоту от матери), он отличался эгоизмом и сердечной сухостью отца, не заимствовав, однако, от него ни любви к труду, ни честности в деле, каково бы оно ни было. Воспитанный в роскоши, приученный к немедленному

удовлетворению всех своих желаний и даже капризов, он уважал только богатых людей, а к бедным питал одно презрение, видя в них стадо, обязанное безропотно повиноваться тем, у кого в руках власть и деньги. «Негодная сволочь», «подлая толпа», «пушечное мясо» – таковы были обычные эпитеты, которыми он награждал те слои общества, где когда-то влачили свое существование его отец и все его предки. Он так усердно при всяком удобном случае сыпал этими выражениями направо и налево, что однажды вызвал даже строгое замечание того самого маркиза, который тридцать лет тому назад положил начало благосостоянию его отца, вверив ему свои шесть миллионов.

– Вы забываете, милый мой, – сказал он молодому негодяю, – что без содействия некоторых людей, расположенных к вашему отцу, вы в настоящее время были бы не более как экспедитором в каком-нибудь министерстве или продавцом в Лувре, и то при условии добропорядочного поведения с вашей стороны.

VIII

Урок, данный старым маркизом де Лара-Коэлло молодому Прево-Лемеру, был жесток, но вполне заслужен. Слушая его, Альбер кусал губы от бешенства, так как вокруг них – дело происходило у маркиза – была целая компания. Впрочем, он не возразил ничего и безмолвно проглотил обиду; но зато с тех пор он ни ногой к старому другу своего отца. Вместо того сын банкира стал усердно искать знакомства с титулованными щеголями, что обходилось ему очень дорого.

Выудить деньги у Альбера было очень просто. Когда кому-нибудь из аристократиков, ведущему свой род чуть не от крестоносцев, хотя на самом деле и герб, и титул были просто куплены его дедом, приходила нужда, он лаконично писал молодому Прево-Лемеру:

«Добрейший!

Вчера жестоко продулся. Нужно десять билетов по тысяче. Заранее благодарю за одолжение. Всегда твой

Барон де Мартиньер».

Как отказать барону, который зовет вас «добрейшим» и позволяет быть с собой на «ты»? Альбер немедленно писал:

«Эта пустяковая сумма в твоём распоряжении.

Альбер».

Чтобы закончить очерченный нами портрет молодого Прево-Лемера, добавим, что при всей своей лени он обладал достаточным запасом знаний, чтобы не быть безграмотным, и достаточным количеством ума, чтобы не слыть за идиота. Таков был человек, которому, как мы увидим сейчас, пришлось играть видную роль в деле Бартеса.

Когда Альбер и его брат были еще детьми, отец лелеял надежду, что они сделаются со временем его компаньонами и преемниками по банку. Но – увы! – чем более молодые Прево-Лемеры входили в сознательный возраст, тем более разочаровывался в своих надеждах банкир. Поль обнаружил решительную наклонность к военной службе, и отец вынужден был позволить ему поступить в Сен-Сирское военное училище; что касается Альбера, то чем дальше, тем яснее становилось отцу, что он способен лишь тратить, но не приобретать.

Оставив надежду в отношении сыновей, старый банкир вынужден был перенести ее на будущего зятя: дело в том, что у него было еще третье дитя, дочь в возрасте восемнадцати лет.

Стефания – таково было ее имя – представляла собой прелестную девушку, соединявшую в себе красоту матери с прекрасным характером. Доброта и невинность так и светились в ее девственном личике, обрамленном кудрями шелковистых волос. Образованная, умная, милая в обращении, сердечная, – она могла доставить счастье всякому, кто сумел бы добиться ее руки.

Банкир принялся усердно подбирать ей жениха, но дело оказалось труднее, чем он предполагал сначала. Как мы уже видели, Прево-Лемеру необходим был такой зять, который был бы в состоянии продолжать его громадное предприятие, но, кроме того, нужно было, чтобы он мог понравиться Стефании: отец никогда не решился бы отдать дочь за нелюбимого человека.

Проискав напрасно во всех знакомых семьях молодого человека, который бы вполне отвечал этим условиям, банкир возымел наконец блестящую мысль, которую, как мы увидим сейчас, и открыл своей жене во время семейного торжества по случаю тридцатилетия их брака.

Праздник был в полном разгаре, когда банкир отозвал жену в маленький салон, находившийся вдали от танцевального зала, и, обняв ее, взволнованным голосом проговорил:

– Сегодня ровно тридцать лет, моя дорогая, как мы рука об руку идем по жизненному пути. Позволь же мне сердечно поблагодарить тебя за все то счастье, которое ты дала мне.

– Но и ты, в свою очередь, – отвечала глубоко тронутая мадам Прево-Лемер, – всегда был образцом нежного супруга и отца!

– Одна только мысль беспокоит меня, одного недостает для полноты моего счастья, – это видеть Стефанию устроенной. Ты знаешь, что я давно уже лелею мысль выдать ее за человека, который сумел бы сделать ее счастливой и в то же время смог бы вести начатое мною дело. Но до сих пор план этот оставался неосуществленным: ни в одном из семейств, подходящих к нам по богатству и положению, я не мог найти для Стефании подходящего жениха. Наконец меня озарила счастливая идея...

Здесь банкир вдруг остановился, прислушался и, подойдя к портьеру, отделявшей салон, где происходила беседа, от зимнего сада, быстро откинул ее. В зимнем саду, однако, не оказалось никого.

– Что такое, Жюль? – спросила банкира удивленная мадам Прево-Лемер.

– Ничего, ничего, моя милая, – поспешил ответить тот. – Мне показалось, что в соседнем помещении кто-то есть. Но я ошибся. Продолжу лучше свою мысль. Итак, я подумал, что вопрос о состоянии нашего будущего зятя – вопрос второстепенный, лишь бы только он удовлетворял другим условиям: мог сделать счастливой Стефанию и вести мое дело. Решив так, я перестал подыскивать дочери мужа среди богатых семейств и начал искать около себя, среди своих служащих. На этот раз поиски были успешнее: я скоро остановился на двух молодых людях, которые почти в одинаковой степени обладают требуемыми качествами.

– И эти избранники?.. – спросила жена.

– Разве ты не догадываешься, кто они?

– Пожалуй, что и догадываюсь, – улыбнулась мадам Прево-Лемер.

– Так скажи мне, дорогая: если твой выбор сойдется с моим, это еще более укрепит меня в моем решении.

– Ты, конечно, думаешь об Эдмоне Бартесе и Жюле Сегене?

– Совершенно верно: о моем главном кассире и главном бухгалтере. Ни тому ни другому нет еще и тридцати лет, но тем не менее они занимают самые главные должности в моем банке. Эдмон Бартес отличается проницательным умом, практической сметкой и в то же время благоразумной осторожностью. Будучи моей правой рукой, он знает дела фирмы почти так же хорошо, как и я сам. Его способность продолжать начатое мной предприятие стоит вне всяких сомнений. В то же время, как ты знаешь, по своей наружности он – красавец, ловкий кавалер, изящный и интересный. Наконец, он происходит из хорошей семьи: его отец – дивизионный генерал в Невере.

– Что касается меня, – с улыбкой заметила мать Стефании, – то, если бы мне пришлось выбирать, я без колебаний...

– Выбрала бы Бартеса?

Тут банкир снова вскочил и подошел к портьеру: ему опять показалось, что в зимнем саду кто-то есть. Но самый внимательный осмотр не обнаружил там ничего подозрительного.

– Удивительно, – пробормотал он, – мне все чудится...

– Полно, Жюль, – успокоила его мадам Прево-Лемер, – подумай, кому какая нужда шпионить за нами.

– Твоя правда, дорогая... Ну-с, так ты предпочла бы Бартеса? Нельзя ли узнать, почему?

– Скажи мне сначала свое мнение о втором претенденте, а я потом сообщу свое.

– Охотно! Жюль Сеген почти так же молод, как и Бартес, и так же красив, хотя наружность его иного типа. По уму и способностям он, несомненно, не ниже Бартеса: все дела фирмы знает в совершенстве; наконец, и по происхождению он принадлежит к, безусловно, порядочной семье: отец его – судья в Сенском департаменте, пользующийся всеобщим уважением. Ну, теперь скажи, что ты имеешь против Сегена?

– Видишь ли, Жюль, – начала мадам Прево-Лемер, – при всех своих достоинствах, которых умалить я вовсе не собираюсь, этот молодой человек произвел на меня при первой встрече какое-то неприятное впечатление...

– Но кто же верит, дорогая, первому впечатлению? – перебил банкир.

– И потом, наблюдая за господином Сегеном, я всегда думала, что ему недостает искренности и прямоты Бартеса.

Банкир пожал плечами.

– Не знаю, – произнес он, – я тоже наблюдаю за Сегеном уже десять лет...

– Дай мне докончить, мой друг... Наконец, мне кажется, у него несколько черствое сердце. Я тебе расскажу один факт, который имел место недавно без тебя. Бартес, Сеген и еще несколько гостей сидели у нас за столом и разговаривали. Речь зашла о бедственном положении жены и дочери Бернара – того Бернара, который, помнишь, обанкротился в прошлом году... Слыша о лишениях, которые они терпят, Бартес не мог удержаться от сожаления. «Бедные женщины!» – вздохнул он. «Ну, не нахожу этого, – отозвался Сеген, – по-моему, так они терпят по заслугам, так как в дни богатства Бернара я не видал женщин вздорнее и чванливее этих дам...» Меня слегка покорило, и я постаралась переменить разговор. Через неделю еду к Бернарам, чтобы чем-нибудь помочь им, и представь себе, что узнаю! Оказывается, Эдмон, желая помочь несчастным и в то же время боясь оскорбить их милостыней, придумал сказку, будто он должен был Бернару пять тысяч франков, но не успел возратить их, находясь за границей, и теперь считает своим долгом вернуть их. Разве такое благородство не редкость в наше время?

– Я вполне согласен с тобой, моя дорогая. Этот великодушный поступок еще больше возвышает Бартеса в моем мнении. Конечно, он будет для Стефании наилучшим мужем. Но ты что-то улыбаешься, Сюзанна?

– Видишь ли, мой друг, – отвечала мадам Прево-Лемер с улыбкой, – в довершение всего мне кажется, что Стефания не совсем равнодушна к Эдмону.

– В самом деле? Тем лучше! Тогда не о чем и разговаривать. Тебе остается лишь переговорить с влюбленными. Результат своего разговора ты сегодня же передашь мне, а в ближайший день будет и помолвка.

– С удовольствием, мой друг! – отвечала жена банкира, собираясь покинуть салон.

– Даже вот что!.. Постой-ка, Сюзанна! Не объявить ли нам о помолвке сегодня же вечером, во время ужина?

– Это будет еще лучше.

– Ну так ступай, моя дорогая! – проговорил банкир, еще раз обнимая свою достойную подругу.

Мадам Прево-Лемер вышла в танцевальный зал, где Стефания, краснея от удовольствия, танцевала с Эдмоном Бартесом, и сделала молодой парочке знак следовать за ней в ее будуар.

IX

Едва банкир и его жена ушли из маленького салона, где они поверяли друг другу свои семейные тайны, как две половины тяжелого оконного занавеса отдернулись, и из-за них показались два человека, безмолвные и бледные, словно собиравшиеся совершить преступление.

Это были Альбер и главный бухгалтер его отца Жюль Сеген. Пробравшись в эту комнату с целью, о которой мы узнаем ниже, они были застигнуты врасплох хозяевами дома и, не успев обменяться и парой слов, едва успели скрыться за опущенный оконный занавес, закрывавший окно от любопытных глаз уличных прохожих.

Конечно, и банкир, и его жена, удалившиеся сюда, чтобы на свободе обменяться мыслями о занимавших их предметах, были слишком далеки от подозрения, что они здесь не одни; с другой стороны, и молодые люди не думали попасть в засаду, где они совершенно невольно стали шпионами; они вовсе не для этого проникли сюда, – их цель была совсем другая...

Как бы то ни было, но Альбер и его соучастник слышали все, о чем беседовали банкир и его жена. Едва последние ушли, как они быстро освободились из своей случайной западни, уверенные, что больше никто не встревожит их. Тем не менее фигура Жюля Сегена все еще сохраняла следы изумления и озабоченности, в которые поверг его неожиданный приход хозяев в эту комнату.

Альбер, заимствовавший от людей, которых он посещал, привычку все, что бы ни случилось, обращать в шутку (эта милая черта характера и теперь еще сохраняется у некоторых субъектов известного класса), первым прервал молчание, воскликнув:

– Уф, черт возьми, я едва не задохнулся в этой клетке! Почтенный папаша мог спасти меня двумя способами: или раскрыв двери нашего заключения, или убравшись отсюда! Он предпочел второе – ну, тем лучше для него и для нас! Но вообрази себе фигуру виновника моих дней, если бы он вздумал раздвинуть половинки занавеса! Последовал бы диалог, имевший место при открытии убежища некоего господина в гардеробном шкафу в два часа утра: «Что вы тут делаете?» – «Прогуливаюсь!» Потеха!.. Но что за мрачный вид у тебя? Неужели тебя так устрасило наше приключение?

– Нет, но я все думаю.

– О чем?

– Сейчас узнаешь.

– Как ты находишь идею папаша выдать Стефанию за Эдмона?

– Вот именно об этом я и хотел поговорить с тобой... Но сначала скажи мне, зачем ты привел меня сюда?

Этот вопрос сразу придал физиономии Альбера то серьезное и отчасти беспокойное выражение, с которым он вошел в этот салон в сопровождении своего друга.

– Видишь ли, – сказал он, – я хочу просить тебя об одной услуге...

– Если только она в пределах моих возможностей, – отвечал Сеген, – ведь ты знаешь, что я всегда твой покорный слуга.

– Дело касается твоей специальности, то есть денег. Скажи мне, как ваши корреспонденты рассчитываются за свои авансы, получаемые от вас?

– Да очень просто – сведением баланса в конце каждого месяца.

– Твой ответ не совсем ясен для меня. Но как бы там ни было, а я, кажется, пропал, если ты не придешь ко мне на помощь: мне остается или пустить себе пулю в лоб, или бежать в Америку, спасаясь от гнева Прево-папаша!

– В чем же дело?

– Прошлый месяц я был увлечен адской игрой.

– И, конечно, проиграл?

– Естественно!

– Сколько?

– Боюсь сказать.

– Не ребячься, говори!

– Полмиллиона!

– Черт возьми, ты-таки преуспеваешь! И это в прошлом месяце, говоришь? Как же ты расплатился?

– Я сделал перевод уплаты этих пятисот тысяч франков на счет папаши, подписанный Мистенфлютом или, кажется, Баландаром, если не ошибаюсь.

– Так. Но по этому переводу, братец, не будет ни гроша уплачено, и твои Мистенфлют или Баландар будут опротестованы!

– Ты, однако же, не понимаешь, что я хочу сказать...

– Говори яснее, и я тебя пойму.

– Неужели ваш банк отказал бы в уплате требования, подписанного Баландаром, даже и тогда, если бы на нем значилась подпись...

– Твоего отца? Несчастный! Угадываю, в чем дело: ты, значит, подделал его подпись?

– Вот именно! – ответил Альбер с улыбкой облегчения, после чего продолжал: – Ты ужасно туп на догадки! Но продолжу... Теперь, когда ты знаешь все, скажи мне, не мудрствуя лукаво, можешь ли ты спасти меня? Если можешь, я буду тебе вечно признателен, если же нет, то я буду знать, что мне остается предпринять.

– Ты преуспеваешь, это верно! Но дай мне время подумать. Надо сначала сделать так, чтобы этот перевод уплаты не был переслан к нам; иначе все наши бюро будут взволнованы им, и твой отец немедленно будет предупрежден... Когда срок уплаты?

– Пятнадцатого мая, то есть завтра.

– И только сегодня ты сказал мне об этом! От кого ты получил деньги?

– От Соларио Тэста и сына.

– Это же страшные скряги, черт возьми! Ни малейшего средства уладить с ними дело, пойми ты это! Можно быть уверенным, что они отправили уже документ для удостоверения во французский банк, и твой отец, который состоит там одним из распорядителей, с минуты на минуту может быть предупрежден о казусе... Это ужасное дело! Пойми ты, это ведь событие – иметь у себя в портфеле подпись твоего папаши! И если ему до сих пор еще ничего не сказали, то, значит, сомневаются в чем-то и ждут, будет ли уплачено по подобному документу!

– Скажи мне, что, по-твоему, может случиться?

– О, может случиться простая вещь: если требование будет предъявлено, отец твой немедленно уплатит по нему; но потом он отправится к Соларио Тэста, чтобы узнать, кто выдал им вексель, а выяснив это, он прижмет тебя к стене, потому что не любит шутить в денежных делах: по его убеждению, не может быть ничего хуже того, что ты сделал! Он готов скорее простить убийство, чем подлог!

– Боже мой! Что же мне теперь делать!

– Быть завтра в банке ранее восьми часов утра с полумиллионом франков в кармане; тогда твой отец ничего не узнает, и дело канет в вечность.

– Но где же я возьму их, эти полмиллиона?

– Вот как еще можно устроить: ты возьмешь выданное тобой требование об уплате и к подписи «Прево-Лемер» прибавишь слово «сын»; тогда по крайней мере не будет подлога, и на вопрос отца ты можешь откровенно ему сказать, что вынужден был прибегнуть к этому из-за крупного проигрыша, который уплатили за тебя твои приятели, и что впредь ты будешь осторожнее. Словом, отец уплатит за тебя, и дело обойдется одним выговором, без подозрения, что готовился подлог.

– Все это недурно, – согласился, вздохнув, Альбер, – но еще лучше было бы, если бы достать эти пятьсот тысяч. И нужно достать их сегодня же! Я рассчитывал позаимствовать их из твоей кассы. Я бы их вернул тебе по частям, надеясь на помощь матери, которой я признался бы в своем проигрыше, и на свои пятьдесят тысяч франков, ассигнуемые мне ежемесячно отцом.

– Это невозможно, так как я не имею никакого отношения к кассе нашего дома. С этим надо обратиться к Эдмону Бартесу, который заведует ей, производя все платежи и выдачи. Для него это будут такие пустяки – выдать тебе авансом пятьсот тысяч франков, о чем никто никогда и не узнает.

– Сомневаюсь, чтобы он оказал мне подобную услугу!

– Ты мастер только сомневаться. А я так уверен в противном, потому что сам, на его месте, сделал бы для тебя то же.

– Ну хорошо, буду надеяться на услугу Бартеса!

– Есть еще одно средство...

– Какое, голубчик? Ты все более и более окрыляешь меня надеждами! – радостно воскликнул Альбер.

– Прежде чем открыть тебе это средство, нужно сперва посвятить тебя в мои планы и проекты, потому что и у меня они есть! Но предварительно ты поклянешься принять самое деятельное участие в них. Без этого ни ты не будешь спасен, ни я не успею в моем заветном желании, ставшем целью моей жизни.

– Черт возьми, ты слишком красноречив, чтобы не дать тебе этой клятвы! Итак, я весь твой, и телом и душой, тем более что мне ведь остается одна только пуля в утешение, если ты не спасешь меня!

– Ну, так слушай же! – начал Сеген со зловещей улыбкой, не предвещавшей ничего хорошего. – Ты был здесь невольным свидетелем того, как твой отец колебался в выборе себе зятя между Бартесом и мной и как этот выбор благодаря влиянию твоей матери, пал на моего соперника.

– Твоего соперника?

– Да, потому что я люблю твою сестру!

– И давно? Ты ведь никогда не говорил мне об этом.

– Это не важно ни для тебя, ни для меня. Важно только то, чтобы мои надежды осуществились.

– А я думал, что тебя соблазняет управление делами банкирского дома Прево-Лемера!

– Может быть, и это, – не будем бродить вокруг да около, а приступим прямо к делу, в котором нужна мне твоя помощь: ты должен помочь мне изменить решение твоего отца.

– Друг мой, тебе ведь известно, что я не имею никакого влияния на его волю: при первых моих словах он обрежет меня так, что я навсегда лишусь дара речи!

– Это было бы очень жалко! Но знай, что, спасая себя, ты тем самым осуществишь мой проект.

– Так выражайся яснее, потому что, честное слово, я ничего не понимаю!

– Сначала нужно все деликатности и предрассудки оставить в стороне...

– Прекрасно, оставим их! Они ведь годятся только для глупцов!

– И приступить к делу непосредственно, – продолжал Сеген, – или, проще говоря, надо взять из кассы необходимую тебе сумму, – из кассы, которой заведует Бартес... Завтра днем она будет открыта для обычных платежей, падающих на пятнадцатое число, а вечером, подводя итоги, откроют отсутствие этой суммы.

– Но тогда отец арестует Бартеса как вора!

– Ничуть не бывало. Отнесут исчезновение к простой ошибке в счетах или к забывчивости какого-нибудь получателя, который не прислал, положим, из Индокитая своей расписки в авансе и так далее. Начнутся справки да уведомления, на которые уйдут месяцы, и в конце

концов придут к заключению, не очень выгодному для главного кассира, что и заставит твоего отца переменить относительно его свои намерения... Вот именно это-то мне и нужно!

– Хорошо! Но как же добыть их, эти пятьсот тысяч, из кассы?

– Это я беру на себя, но при одном только условии

– При каком?

– Ты проникнешь в квартиру Бартеса и возьмешь у него связку ключей, среди которых находится и ключ от кассы.

– Это очень неосторожно с его стороны – оставлять ключи в квартире уходя куда-нибудь!

– Ничего нет неосторожного, потому что ключ от кассы похож на все прочие, и, чтобы узнать его, нужно увидеть на нем особенные, известные только Бартесу, приметы; но с некоторых пор и я овладел этим секретом, воспользовавшись однажды его оплошностью: он забыл раз печатное описание этих примет у себя на попире, и я потихоньку списал их для себя.

– Все это прекрасно, но где я найду ключи, войдя к нему в квартиру?

– Запомни, что я тебе скажу, и будь ловок, как кошка. Когда войдешь в его прихожую, то увидишь маленькую дверь налево; открой эту дверь, и ты очутишься в небольшой комнатке, на правой стене которой увидишь висящее старое пальто. Приподними это пальто – и увидишь под ним связку ключей, повешенную на особом гвозде.

– Черт возьми, ты проницателен, как сыщик, который знает все секреты в каком-нибудь интересном для него доме! Как тебе удалось пронюхать все это?

– Уж это, брат, мое дело. Итак, ступай в квартиру Бартеса, а я пойду в танцевальный зал – побеседовать с ним, чтобы подольше удержать его там. И когда ты принесешь мне эти ключи, тогда я с ними и отправлюсь в кассу.

– Но квартира Бартеса может оказаться запертой, или его лакей может увидеть меня!

– Я подумал и об этом: вот тебе ключ от его секретного бокового входа, с левой стороны дома, где ты заметишь маленькое крылечко; смело отопри его дверцу и увидишь перед собой дверь в прихожую, о которой я уже говорил тебе. Никто тебе не помешает; только, повторяю, будь ловок, как кошка.

– А как ты будешь действовать там, в кассе? Вдруг кто-нибудь да накроет тебя?

– Никто не накроет. Кому придет мысль идти проверять бюро в такую пору? Все, как ты видел, на балу. Одного меня не будет некоторое время, но я могу сказать, что не люблю танцев или что у меня дома есть спешная работа: случалось ведь нередко, что перед отплытием на Восток пакетботов я просиживал напролет ночи, оканчивая корреспонденцию, и все это знают. Итак, если ты согласен на это предприятие, то в путь-дорогу!

– Да, я почти согласен, только видишь ли...

– Ах, у тебя отыскались «почти» и «только». В таком случае счастливо оставаться, Альбер! Выпутывайся сам, как знаешь!

С этими словами Сеген направился к выходу.

– Жюль! – воскликнул Альбер. – Не уходи, прошу тебя, не оставляй меня одного!

– Да или, нет? – спросил, останавливаясь на полпути, бухгалтер. – Я серьезно рискую, а ты колеблешься! Это из рук вон! Отвечай мне сию же минуту! После будет уже поздно, и твой документ завтра станет всем известен!

– Согласен, согласен! Все, только не это! Сейчас же иду за ключами! – решил наконец Альбер.

– Вот это умно! – одобрил Сеген. – Так за дело!

Два негодяя снова вошли в зал и смешались с толпой, поздравлявшей обрученных. Сеген принес свое поздравление и завязал лицемерно-искренний разговор с Бартесом, Альбер снова незаметно ускользнул из зала. Но не прошло и четверти часа, как он вновь появился и, незаметно передав своему приятелю найденное им в квартире Бартеса, в свою очередь, подошел к обрученным с поздравлениями.

Зато отсутствие Сегена, которому пришла очередь исчезнуть из зала, продолжалось около часа и причиняло Альберу смертельную муку, которую он с трудом скрывал от окружающих: ему все мерещилось, что Сегена накрыли хозяйничающим у кассы и что вот-вот придут его арестовывать, узнав, каким образом ключи от кассы попали к его приятелю. Наконец он увидел последнего спокойно входящим в зал и не с пустыми руками, а с двумя великолепными букетами белых роз, окаймленных камелиями и пармскими фиалками. С улыбкой подошел он к обрученным и преподнес им свой подарок «от чистого сердца»...

Это было так любезно и так кстати, что даже Жюль Прево-Лемер не мог удержаться от одобрительного восклицания:

– Ах, это хорошо, право хорошо! – сказал он, обращаясь ко всем, кто был в ту минуту возле него, и все охотно согласились с ним.

– Ну? – спросил Альбер через несколько минут своего приятеля, когда они оба были вдали от толпы.

– Все как следует, – был ответ. – Ступай в свою комнату, где под тюфяком кровати найдешь нужное тебе. Не мог же я войти сюда с пачкой банковских билетов!

– Ты ужасно долго был там!

– Ба-а, нельзя же было в одну минуту обделать такое дело: замок долго сопротивлялся моим усилиям, так что было даже мгновение, когда я готов был отказаться от всего!.. А разве мое отсутствие кто-нибудь заметил?

– К счастью, нет! Но более всего удачны были эти два букета: гениальная идея и притом – великолепие и шик!

– Ладно, я и сам вижу, что это вышло очень кстати. Пойдем-ка отсюда – нам нужно еще потолковать кое о чем.

– А ключи? – спросил Альбер.

– На своем месте, можешь успокоиться.

Х

Сеген солгал, сказав своему сообщнику, будто бы кража потребовала массы усилий; на самом деле его промедление имело другие причины: когда он увидел перед собой груды банковских билетов и чистого золота, адская мысль неожиданно родилась у него: вместо пяти-сот тысяч франков, нужных Альберу, он взял вдвое больше, то есть ровно миллион, и на первом попавшемся извозчике поехал в особняк генерала Бартеса, где тогда жил один лишь Бартес-сын. Пробравшись здесь в небольшой павильон, примыкавший к основному зданию, он приподнял одну из досечек паркета и положил в образовавшееся углубление другие пятьсот тысяч, которые и прикрыл досечкой. Это было вполне верное средство уничтожить соперника, так как, раз половина пропавшей суммы будет найдена у Бартеса, осуждение его в воровстве будет неизбежно! Сделав это, Сеген за двести франков купил два роскошных букета, предназначенных для того, чтобы объяснить его отсутствие на балу, продолжавшееся, как мы уже сказали, около часа, и наконец возвратился в дом своего патрона.

Все это негодяй скрыл от своего сообщника, чтобы иметь возможность сказать ему впоследствии, когда деньги будут найдены у главного кассира: «Ты видишь, что Бартес обкрадывал твоего отца, и мы таким образом оказываемся теперь в стороне, свободные от всяких подозрений!»

К тому же Альбер, скорее неразвитый, чем злой по натуре, мог бы остановиться перед этим планом, изобретенным для гибели невинного человека, и не дать своего согласия на его выполнение. По этой-то причине Сеген и предпочел удержать в секрете вторую часть своих ночных походов.

Между тем на другой день, пятнадцатого мая, Эдмон с восьми часов утра был уже на своем посту. Открыв кассу, он страшно побледнел и, наверное, упал бы, если бы вовремя не схватился за стоявшее возле него кресло.

– Что с вами? – спросили клерки, которые с участием бросились к нему, заметив его бледность

– В кассе произошла кража! – чуть слышно сказал молодой человек, не веря своим глазам.

Но не верить им было нельзя: десять пакетов с билетами каждый по сто тысяч франков, предназначенных еще накануне для платежей пятнадцатого мая, исчезли из кассы неизвестно куда!

Предстояло убедиться в очевидности и неоспоримости факта.

– Попросите сюда сию минуту господина Прево-Лемера! – сказал Бартес одному из клерков. – Не потребовалась ли ему лично эта сумма до нашего прихода сюда?

Однако Бартес сам не верил в возможность подобного случая: банкир Прево-Лемер был очень щепетилен и всегда строго держался своих постоянных правил и привычек, которым никогда и ни под каким видом не изменял. Он ни за что не стал бы брать денег из кассы банка для своих личных нужд, тем более что для этого у него существовала частная касса, не имевшая ничего общего с главной; этой кассой он и довольствовался, не только удовлетворяя из нее свои личные потребности и потребности своего семейства, но даже производя при помощи этих денег небольшие операции на стороне.

При первых словах Бартеса патрон его сказал, добродушно улыбаясь:

– Не тревожьтесь, милейший мой! Это, вероятно, просто ошибка в счете какой-нибудь из контор. Эту ошибку мы легко можем подтвердить проверкой.

Если бы главный кассир чувствовал хоть малейшее пятно на своей совести, он поспешил бы воспользоваться безграничным доверием, выраженным ему в этом ответе патрона, и дело легко было бы поправить: свадьба его была назначена через два месяца, по прошествии

которых он получил бы приданое за невестой; из этого приданого он и покрыл бы пропажу миллиона, объяснив ее своему будущему тестю ошибкой в счетах парижской конторы банка. Но Бартес был слишком прямой и честный человек, чтобы удовольствоваться такой развязкой загадочного для него случая, и заявил, что книги согласны во всем с кассой и что, стало быть, миллион украден из нее несомненно. Но кем? Пусть решит этот вопрос следствие!

– Следствие в моем доме! – воскликнул старый банкир. – Судебный процесс, шумиха в газетах! Да я охотнее соглашусь потерять совсем этот несчастный миллион, лишь бы не нарушать свое спокойствие этой ужасной тревогой! Успокойтесь, милейший, и оставим все так, как есть, – тем более что я убежден в ошибке в счетах, которая, конечно, и обнаружится со временем! Каким образом можно было открыть кассу, когда я сам, правду говоря, не мог бы сделать этого без помощи указателя?

– Но, милостивый государь, – настаивал Бартес, – раз я буду иметь честь сделаться вашим родственником, я не должен допускать и тени сомнения в моей порядочности.

– Да кто же сомневается в ней, добрейший мой?

– Вы были здесь не одни, и потому я не могу принять вашего решения. Дефицит в кассе несомненен, и потому позвольте мне судебным порядком открыть похитителя денег, чтобы я мог стать вне всяких подозрений.

– Это ваше последнее слово, упрямец?

– Да, так как быть упрямым меня побуждает наконец честь моего отца.

Никто из служащих банка не ушел в этот день домой раньше обыска, сделанного полицией в квартире каждого из них, но все попытки найти какие-нибудь следы кражи были бесполезны.

Обескураженный безуспешностью своих поисков, но твердо убежденный, что похититель должен быть лицом, имеющим непосредственное отношение к банку, – потому что кто бы мог из посторонних так искусно отпереть кассу? – начальник сыскной полиции обратился наконец к Эдмону Бартесу со следующим предложением:

– Вы, милостивый государь, не имеете ничего против обыска и в вашей квартире, так как после этого дело будет вполне окончено и предано на волю Божию?

– Я именно это только и хотел предложить вам! – ответил благородный молодой человек.

– Он безумец! – воскликнул Прево-Лемер, присутствующий при этом разговоре. – Я против этого обыска! Я не хочу, чтобы повсюду стали говорить, что обыскивали будущего зятя Прево-Лемера!

– Но, милостивый государь, – возразил начальник сыскной полиции, – я должен использовать все дозволенные законом способы, чтобы найти преступника.

– Я к вашим услугам, – решил Эдмон Бартес и отправился с полицейским к себе на квартиру, а час спустя был отвезен им в тюрьму Мазас!

Описывать изумление и недоверие к случившемуся, а потом гнев и бешенство старого банкира было бы невозможно. Он кричал, топал ногами и бушевал, говоря, что похищенные деньги вовсе даже не банковские деньги, а принадлежат самому Бартесу, который сэкономил их из своих частных средств; грозил, что при помощи своих связей лишит начальника полиции его места и так далее, но последний был невозмутим. Дав старому денежному тузу время успокоиться, он показал ему письменное заявление Бартеса, в котором было сказано, что пропавшие деньги входили в число наличных капиталов банка и были предназначены к выдаче разным получателям, которым выпадала очередь на пятнадцатое число мая.

Жюль Прево-Лемер был окончательно побежден.

– Как же этот несчастный, – воскликнул он в сильной горести, – как он объясняет эту ужасную находку в своей квартире?

– Он ничем не может объяснить ее. Он настаивает на своей полной невиновности, говоря, что ничего не понимает в этой загадочной находке части пропавших денег в его квартире.

– Это просто безумие! Если бы он был виновен, он мог бы в это утро двадцать раз выпутаться из беды, грозившей ему: ведь я ему говорил, что отношу исчезновение денег к простой ошибке в счетах какой-нибудь из контор и ;что ни за что не хочу видеть у себя полиции; следовательно, если бы он чувствовал за собой вину, то ему оставалось бы только согласиться со мной, и дело с концом!

– Да, конечно. Но ведь вы были не одни, – с вами были и другие, и вот этих-то других и следовало ему убедить окончательно в своей невиновности. Ну, а для этого нужно было решиться на все, то есть подвергнуться обыску и самому. Словом, он должен был все поставить на карту!

– Нет, я не могу в это поверить! – воскликнул в отчаянии банкир и закрыл лицо руками.

– Поверьте моему опыту, – сказал полицейский. – Это человек чрезвычайно ловкий, и в этом весь секрет! В его виновности, по-моему, не может быть и тени сомнения! Посудите сами: пропадает миллион из кассы, а ключ от нее хранится у кассира, и без этого ключа ни один из лучших слесарей в Париже не может отпереть ее; затем идут обыскивать квартиру кассира – и находят в ней половину пропавшей суммы! Как же после всего этого вы можете еще сомневаться в его виновности?

– Но как он мог сознаться в том, что это именно те самые деньги, которые ищут?

– Да ведь номера серий, найденных у него под паркетом, те же самые, которые значатся в его кассовой книге!

– Чем дальше, тем все меньше я понимаю в этом странном деле! – заключил свой разговор с полицейским Жюль Прево-Лемер, на что тот ответил:

– Я надеюсь, что скоро вы поймете все и убедитесь, что иначе и быть не должно и не было иначе в действительности. Увидите, будут ли в состоянии присяжные оправдать на суде Эдмона Бартеса!

– Рассудок, конечно, против него, – сознался старый банкир, – но мои чувства говорят мне совсем другое!

– В делах подобного рода следует слушаться исключительно доводов рассудка; повторяю вам, что присяжные не в состоянии будут оправдать этого человека!

И Жюль Прево-Лемер действительно в конце концов убедился в виновности своего бывшего кассира, и до такой степени, что стал упорно отстаивать свое новое мнение от попыток жены и дочери защитить честь их избранника. С цельными характерами, каков был у старого банкира, всегда происходят подобные метаморфозы: им стоит большого труда убедиться в чем-либо, по их мнению, невозможном; но убедившись наконец, они с таким же упорством начинают держаться своих новых взглядов, с каким прежде держались старых.

Во все продолжение судебного следствия в семействе Прево-Лемера только и было разговоров и рассуждений, что об Эдмоне Бартесе, которого обвинял муж, а жена и дочь защищали всеми доводами своего ума и сердца. Альбер чувствовал себя неловко и старался поэтому держаться середины; но это ему плохо удавалось, и он всегда должен был в решительные минуты спора вторить мнению отца. Его неловкое положение усиливалось еще тем обстоятельством, что он догадывался, каким образом другие пятьсот тысяч франков, о которых у него не было и речи с Сегеном, оказались спрятанными в квартире Бартеса и были найдены там; и хотя Сеген имел бесстыдство уверять, что это не его рук дело, но Альбер не верил ни одному его слову и поневоле молчал, уничтоженный таким низким предательством своего сообщника и собственной виновностью.

Сеген занял место Бартеса и в банке, и в симпатиях старого банкира, который теперь указывал своим дамам на него как на образец честности и порядочности; но дамы все еще продолжали отстаивать его предшественника, а Сеген, обедавший пять раз в неделю у своего патрона, ловко притворялся, что и он разделяет их мнение о «настигнутом несчастной случайностью» Эдмоне Бартесе.

– С вашей стороны очень благородно не забывать друзей в несчастье, – говорила ему на это всякий раз госпожа Прево-Лемер, начиная чувствовать некоторое расположение к отъявленному негодяю и разбойнику, который постепенно и незаметно сумел наконец втереться в доверие как матери, так и дочери.

– Сказать правду, – замечал в интимных беседах с ним Альбер, – ты редкая каналья, какой я нигде еще до сих пор не встречал!

– После тебя, – цинично дополнял Сеген.

– Нет, я не такой ловкач! И мне очень приятно будет иметь зятем подобную бестию, как ты, которую я всегда могу послать на каторгу, когда только захочу!

– В сопровождении тебя?

– Эх, дружище, ведь я обокрал только своего отца!

– Ну, а я обокрал его для своего будущего братца. Два сапога пара!

– И когда ты будешь заправилой нашего банка, я буду усердно наблюдать за всеми твоими манипуляциями.

– А я – за твоими фальшивыми документами!

Такими любезностями обменивались обыкновенно негодяи, сходясь на дружеские тет-а-тет и ничего более, кроме глубокого презрения, не испытывая друг к другу.

Только два человека держались еще убеждения в невинности Эдмона Бартеса: это были капитан Поль Прево-Лемер, старший сын банкира, бывший товарищем Бартеса по коллежу, и маркиз де Лара-Коэлло, прежний компаньон банка.

На суде их прямое выражение симпатий к подсудимому произвело большое впечатление на всех и заставило наконец председателя спросить маркиза:

– Как же вы согласуете ваше мнение с очевидностью факта, который противоречит ему?

– Это очень просто, милостивый государь, – отвечал старый аристократ, – Бартес был объявлен женихом дочери моего друга, и потому было бы крайне неестественно с его стороны задумать такое дело, которое разрушило все его виды и на женитьбу, и на будущее управление банкирским домом.

– Однако же факт подтверждает эту «неестественность»: половина пропавшей суммы найдена у подсудимого!

– Так, господин председатель! Допустим, что он похитил деньги но что же побудило его не ускользнуть от опасности быть изобличенным, как предлагал ему сам патрон, а напротив – идти навстречу ей, требуя расследования дела и даже обыска у себя? И на что бы ему понадобился этот несчастный миллион, – ему, который через какие-нибудь два месяца получил бы много миллионов в приданое за женой?

Председатель не мог ничего возразить на эти аргументы и, чтобы замаскировать свое бессилие, сказал:

– Все это составит предмет будущих обсуждений, но вы не ответили мне на мой вопрос.

– Я вам отвечу в двух словах: Бартес, ввиду его завидного положения в будущем, мог возбудить зависть и недоброжелательство к себе в среде окружающих его сослуживцев, и вот против него возник заговор, который и был очень ловко приведен в исполнение.

– Сознаете ли вы, милостивый государь, всю важность того обвинения, которое сейчас высказали? – спросил очень серьезно председатель.

– Сознаю и готов прибавить еще нечто, а именно: ищите тех, кому выгодно было погубить Бартеса, и настоящие виновные будут найдены!

Общее возбуждение было полное, в особенности, когда к голосу маркиза присоединился еще голос старшего сына банкира, и оправдание подсудимого носилось уже в воздухе; но эффект обнаружения пятисот тысяч в его квартире превысил все, – благодаря, конечно, обвинительной речи прокурора, – и все преклонились перед тяжестью этого обвинения, кроме сочувствовавших подсудимому.

Один из них, искренний друг Бартеса, некто Гастон де Ла Жонкьер, воскликнул:
– Утешься, Эдмон, у тебя остается уважение и преданность твоих друзей!

XI

Мужественный друг Эдмона Бартеса, высказав публично свое порицание судебному приговору, рисковал строгим наказанием за свою смелость, но высокое положение в обществе его отца оградило его от подобного наказания: ограничились тем, что велели вывести его из зала суда.

Между тем через две недели после окончания судебного процесса в мэрии VIII округа был торжественно подписан брачный контракт между Жюлем Сегеном, главным бухгалтером дома Прево-Лемер и Ко, и девицей Анжелой-Клавдией-Стефанией Прево-Лемер, дочерью означенного банкира и его супруги Октавии-Сюзанны Осман... Через несколько дней после этого была отпразднована свадьба. Слухи о пышных балах, данных по этому случаю банкиром, облетели весь Париж; достигли они и тюрьмы, в которой содержался Эдмон Бартес вместе с одним бездельником и убийцей, изрезавшим на куски свою жену. Говорить о бессильной ярости и глубоком отчаянии безвинно осужденного людской несправедливостью и близорукостью было бы бесполезно! Скорбь его достигла предела, граничащего с безумием, и несчастный Бартес был на шаг от опасности совершенно лишиться рассудка!

Стефания столько раз слышала от отца о проделках бывшего кассира с его кассой, которой он будто бы пользовался для игры на бирже, что уверовала наконец в виновность Эдмона Бартеса. Ее мать, уступая настояниям мужа, тоже не противоречила больше ему. Осужденный или оправданный, Бартес не мог уже больше рассчитывать на руку Стефании, для которой, вследствие этого, бывший кассир ее отца не представлял уже теперь никакого интереса.

В семьях с колоссальным состоянием, основанным на коммерции, оказывается нередко такая же необходимость заключать браки по расчету, как и в домах влиятельных особ. Жюль Сеген был теперь единственным человеком, в совершенстве знавшим многочисленные деловые операции банкирского дома Прево-Лемера, и потому он должен был жениться на дочери главы этого дома: необходимо было передать все дела человеку молодому, со свежими силами, чтобы дом так же незыблемо стоял в будущем, как и в прошлом.

Итак, Стефания без всякого принуждения согласилась выйти за Сегена, который отлично играл свою роль с тех пор, как в подробности изучил характеры матери и дочери.

Поль, старший сын банкира, искусно уклонился от присутствия на свадьбе сестры, где он должен был бы притворяться, выказывая к зятю расположение, которого у него не было: он воспользовался предложением одного капитана спаги⁷ отправиться в Алжир и уехал в Африку, откуда не было возможности скоро вернуться в Париж.

За несколько дней до отправления Эдмона Бартеса в Новую Каледонию, когда его перевезли уже в Рошфор, один из караульных, проявлявший к заключенному особое расположение, принес ему однажды небольшую булку и знаком дал понять, что в ней скрыто нечто такое, что будет для него очень интересно.

Оставшись один, – его товарища по заключению успели уже отправить в Кайенну, – Эдмон разломил булку и нашел в ней письмо.

И удивление, и волнение овладели им... Кто это не забыл еще его и пишет ему?... Во всяком случае, не отец: старый генерал, узнав, что сына его перевезли в Рошфор, приехал туда сам и виделся с ним каждый день.

Бартес развернул письмо и взглянул на подпись. Там означено было следующее: бывший служащий Французского государственного банка Х. Y. Z. 306.

Письмо, заключающее в себе шесть страниц, было следующего содержания:

«Милостивый государь!

⁷ Спаги – французские кавалеристские части в Алжире.

Человек, сочувствующий вам, желает довести до вашего сведения некоторый факт, а именно:

15 мая, находясь при отправлении своих должностных обязанностей во французском банке, за несколько минут до 8 часов утра я увидел входящего к нам молодого человека, Альбера Прево-Лемера. С обеспокоенным лицом, взволнованный, он спросил меня, не отправлены ли еще рассылные с требованиями по их назначению, и, получив отрицательный ответ, вздохнул с заметным облегчением; затем спросил еще, кто заведует рассылкой требований по Фридланскому кварталу. Как раз этим кварталом тогда заведовал я, о чем и сообщил ему, не видя никаких секретов в этом обстоятельстве. «Это очень кстати, – сказал молодой человек, – так как я принес деньги, пятьсот тысяч франков, по требованию на имя Прево-Лемера и компании, подписанному главой этого банкирского дома. По чисто личным причинам мой отец не желает, чтобы этот документ был формально предъявлен в его банк, и уполномочил меня внести должную сумму сполна. Надеюсь, что вы не откажетесь сейчас же получить ее?»

Я не отказался и получил эти деньги, заметив только, что подобные получения нарушают отчасти порядок, установленный в банке, но, что ввиду внушительности уплачиваемой суммы, нарушение порядка в данном случае можно еще допустить. Взглянув на билеты, я удивился, что они принадлежат к серии «С 306—371-В 12—3—89 В» и находятся в том же самом порядке, в каком лежали в банке у нас, до отправки их в банкирский дом Прево-Лемера для уплаты по требованиям на 15 мая.

Не знаю, по какому побуждению, но я тогда же записал на память для себя цифры первого билета серии и теперь посылаю их вам: они помогут, в случае надобности, дойти последовательно до цифр остальных 499 билетов, полученных мной тогда в уплату. Затем Альбер Прево-Лемер попросил у меня перо, и, пока он что-то писал, я случайно посмотрел ему через плечо. Каково же было мое изумление, когда я увидел, что к подписи своего отца, стоявшей на документе, он приписал слово «сын»!

Молодой человек так был занят своим делом, что совсем не заметил моего, может быть, нескромного любопытства и, возвратив мне перо, торопливо ушел, позабыв даже проститься и поблагодарить меня за услуги.

По беспокойству молодого человека и вообще по всему его поведению я тогда же заключил, что он совершил нечто недозволенное, а именно: подлог документа на имя своего отца, но, боясь своей проделки и не желая, чтобы французский банк заметил ее, он поспешил предупредить неприятности, грозившие обрушиться на него, личной уплатой в банк должной ему суммы.

Сообщаемые вам факты прошли бы бесследно для меня, так как я не видел никаких причин вмешиваться в чужие дела, если бы спустя несколько дней после того я не взял в руки, в часы отдыха, «Судебную газету». Можете представить себе мое удивление, когда, читая отчеты о вашем процессе, я узнал, что похищение рокового для вас миллиона франков имело место в ночь на 15 мая, когда сын Прево-Лемера приходил уплатить лично пятьсот тысяч франков по подложному требованию на имя его отца!

Но что более всего заинтересовало меня, так это именно то, что эти пятьсот тысяч, найденные в вашей квартире, номера которых приводила газета, заключали, без малейшего прерыва в их последовательности, ту же серию «С 306—371», которая была уплачена французскому банку утром 15 мая! Таким образом, она дополняла собой миллион, похищенный из кассы Прево-Лемера и компании!

Каким образом случилось так, что этот миллион в ночь на 15 мая распался на две половины, одна из которых была внесена во французский банк, в виде уплаты долга ему, а другая найдена под паркетом в вашей квартире?

Я глубоко сожалею, милостивый государь, что сообщаемое вам мною не было известно мне во время ведения вашего процесса: иначе эти факты, своевременно сообщенные вам,

повлияли бы на дело так, что решение его было бы иное. К несчастью, я тогда не имел времени читать газеты и потому не следил за подробностями вашего процесса.

Еще один факт я могу довести до вашего сведения – факт, который может вам пригодиться. Внося одному из кассиров банка сумму, полученную мной от Прево-Лемера-сына, я сообщил ему о странном поведении молодого человека и о том, что на требовании, подписанном его отцом, он прибавил к подписи последнего слово «сын». Кассир тоже, подобно мне, записал себе для памяти номера серий и даже прибавил несколько стенографических замечаний о возбужденном виде молодого человека.

Вот, милостивый государь, что побудило меня обратиться к вам с письмом в надежде, что оно может быть бесполезно для вас. Прошу извинить меня, что я не подписываюсь своим настоящим именем, так как не желаю подвергаться преследованиям разных лиц, если это письмо не попадет к вам. Но если ваше дело когда-нибудь будет пересматриваться, я с величайшей готовностью явлюсь перед вашими судьями, чтобы представить на их рассмотрение все эти факты. Чтобы дать мне знать о вашем желании видеть меня, вы поместите только в «Petit Journal» следующее объявление: «Желают видаться с Х. Y. Z. 306» и прибавьте ваш адрес или адрес того лица, которого вы уполномочите вместо себя видаться со мной.

Если же я умру до того времени, когда ваше дело будет подвергнуто пересмотру, то мой сын, служащий клерком у одного нотариуса, вручит для хранения своему патрону мои письменные показания, скрепленные подписью четырех свидетелей, и пришлет вам копию с них. Этот документ сообщит вам также имя того кассира, который записал номера серии билетов, принесенных для уплаты в банк Прево-Лемером-сыном.

Сердечно желаю, чтобы вы беспрепятственно получили это письмо, которое я вручил для передачи вам сыну одного из моих друзей, служащему во флоте. Желаю потому еще, что страшусь предстать перед Всевышним Судьей, не исполнив того, что мог бы исполнить, то есть не посодействовав исправлению ошибки в человеческом правосудии, имеющем претензию очень часто считать себя непогрешимым. Да примет вас Господь под Свое покровительство и да поможет обнаружить перед людьми истину, в которой заключена ваша невиновность!»

Затем следовала подпись «Х. Y. Z. 306», о которой мы уже говорили.

Радость несчастного по прочтении этого письма не имела границ. «Вот, – восклицал он с жаром, – вот несомненное доказательство моей невиновности! Я всегда подозревал, что эта жалкая личность, этот Альбер замешан в моем деле, и вот оказалось, что мои подозрения имели основание! Наконец-то я смогу восстановить свою честь и снова войти в жизнь с высоко поднятой головой, смутив моих врагов, и как обрадуется этому мой бедный, мой униженный отец!»

Но дальнейшие размышления стали, однако, понемногу ослаблять эту радость, этот энтузиазм. Бартес спрашивал себя, каким образом он смог бы потребовать пересмотра своего дела, – и не находил людей, на содействие которых мог бы рассчитывать. Прежде всего ему предстояло обратиться к парижскому генеральному прокурору, которому он должен послать просьбу с изложением доказательств своей невиновности. Если прокурор найдет их заслуживающими внимания, тогда он вызовет снова к суду его, Бартеса, и тех лиц или то лицо, на которое будет падать подозрение в виновности; неопровержимое и очевидное доказательство этой виновности и будет его оправданием. Но прокурор, получив его просьбу, может сначала передать ее для рассмотрения официальному адвокату при парижском суде, Сегену, близкому родственнику Жюля Сегена; в таком случае делу его не дадут хода, потому что этот человек связан теперь родственными узами с банкиром Прево-Лемером. Даже если прокурор и не находится под влиянием адвоката Сегена, все равно этот последний немедленно сообщит своему родственнику Прево-Лемеру о грозящей его сыну опасности, а банкир поступит очень просто: он заявит, что его сын не брал денег из кассы, которой заведовал Бартес, а он сам дал ему необходимую сумму для уплаты, выслушав от него признание в легкомыслии, которое ввергло

его в крупный долг, если же потом Альбер лично отправился во французский банк, так это для того, чтобы предупредить присылку ему из банка требования, которое возбудило бы между служащими толки, неприятные для его самолюбия.

Поразмыслив обо всем этом, Бартес увидел, что у него очень мало шансов на успех в попытке побудить суд к пересмотру дела, так как Прево-Лемер, несомненно, употребит все возможные средства, чтобы спасти честь своего сына и своей семьи. У Бартеса оставалась одна только слабая надежда на сочувствие маркиза де Лара-Коэлло, который однажды сказал, что не пожалеет всего своего состояния для нахождения истинного виновного в этом деле.

XII

Бартес считал своего бывшего патрона, безусловно, честным человеком. В этом для него не могло быть никакого сомнения: он много раз слышал, как старый банкир говорил, что его девиз «Честность и порядочность» и что он ни за что в мире не совершил бы бесчестного поступка, даже если бы этого требовало спасение его семейства или состояния. Но в данном случае, раз несправедливое дело уже совершено, у него могли возникнуть, для собственного успокоения, разные сделки с совестью, и девиз ничего уже не мог значить. Решился ли бы теперь Прево-Лемер бросить свое имя в жертву публичным пересудам, разоблачив недостойное поведение своего сына, за которое его покарал бы закон? Конечно, этого нельзя было ожидать! Если так, то на что теперь могло пригодиться показание бывшего служащего Французского банка?

Другое дело, если бы Бартес был на свободе, а не в ссылке: он нашел бы средство заманить Альбера в ловко устроенную западню, и тогда последнему ничего не оставалось бы делать, как только сознаться в своей виновности. Он был настолько же труслив, насколько его старший брат, Поль, был храбр, и потому без большого труда можно было бы заставить его рассказать перед свидетелями, как он отпер кассу своего отца, похитил из нее миллион и половину его спрятал в квартире бывшего кассира... Но лишенный свободы и доброго имени, что он мог предпринять? Ровным счетом ничего!

Разумеется, следственный судья, имея на своей совести судебную ошибку и искренне желая поправить ее, мог бы немедленно арестовать Альбера и легко довести его до признания. Но мог ли ссыльный преступник, каким признан он, Бартес, сидя в своей тюрьме, заставить правосудие возбудить преследование против сына такой финансовой знаменитости, как Жюль Прево-Лемер? Даже думать об этом было безумием.

Ввиду всех этих соображений Эдмон Бартес решил молчать и вернуться к первому своему плану – бегству из ссылки. Добыв себе свободу таким путем, он ощутит больше уверенности в своих силах, чем теперь, и с большей осмотрительностью примется за дело восстановления своей чести и предания в руки правосудия действительного преступника. Тогда-то именно и пригодится ему письмо чиновника, пока же ему нужно терпеть, стойко перенося страдания.

Незадолго до отплытия своего в Новую Каледонию бывший кассир приобрел себе нового товарища в тюрьме в лице некоего Кролика. Это был фальшивомонетчик, отбывший уже пятнадцать лет ссылки за свои подвиги и снова, за те же подвиги, попавший в ссылку вторично. Таким образом, это был рецидивист и многоопытный человек. Он обладал разными небольшими талантами, небесполезными в тюремном мире, и, между прочим, умел отлично татуировать. И вот, когда Бартес достаточно познакомился с этим субъектом, он попросил последнего начертить себе на левой руке цифры серии билетов, похищенных Альбером, а также известную нам подпись банковского служащего «X. Y. Z. 306», с помощью которой он мог найти впоследствии своего неизвестного друга. Затем он уничтожил самое письмо, так как перед отплытием из Франции всех преступников подвергают строгому обыску, после чего одевают их в платье ссыльных.

Наконец настал и тот день, когда он должен был ступить на палубу «Флоры», транспортного судна, которое доставит его в Новую Каледонию. В этот ужасный день Бартесом овладело безнадежное отчаяние: все, что он выстрадал за целый год, от дня ареста и до дня отправления в ссылку, встало перед его глазами как живое, терзая и мучая его. Ему казалось, что он навсегда погиб, навсегда лишен возможности и способности изменить к лучшему свое положение! С истерзанным сердцем вырвался он из объятий своего несчастного отца и маркиза де Лара-Коэлло, которые получили позволение оставаться с ним в этот день до часа отплытия. Проща-

ясь с ними, этими единственными в мире своими друзьями, он открыл им свои предположения и надежды – восстановить в будущем свое опозоренное имя.

В тот же самый вечер особняк Прево-Лемера снова сверкал пышным освещением, как год тому назад. Старый банкир вновь праздновал годовщину своей свадьбы, и опять его семейство и все служащие собрались для торжества в тех же апартаментах. Но на этот раз тягостные воспоминания висели, казалось, в воздухе особняка, отравляя его атмосферу, полную веселья и радости. Заметно было, что банкир сильно постарел и что его тревожат горестные предчувствия. Он сознавал, что невинная жертва тяжестью легла на его сердце. Он проводил бессонные ночи, и счастье его семейства, казалось ему, висело на волоске... По окончании процесса, когда все пришло в обычный свой порядок и когда Сеген стал уже его зятем и заправилкой дел его дома, он сказал однажды своей жене:

– Мне кажется, что осудили невинного человека.

– Да, вот когда настало время одуматься и оглянуться на то, что сделано! – ответила с горечью мадам Прево-Лемер.

Бедная женщина давно уже убедилась, что брак с Сегеном не принес ее дочери ожидаемого счастья.

В скором времени после решения судом участи Бартеса Прево-Лемер получил письмо от его отца, старого генерала. Заканчивая свое скорбное послание, несчастный отец выражал надежду, что Провидение не покарает банкира в его делах тем злом, которое причинил он его ни в чем не виновному сыну. Прево-Лемер скрыл это письмо от жены. Теперь он вспомнил о нем и погрузился в тяжелые, горькие думы... Да, он мог бы спасти Бартеса, если бы продолжал быть стойким в своем первоначальном о нем мнении; без особенного даже труда он мог бы помешать его аресту и отправлению в Мазас и прекратить таким образом дело в его зародыше. Он сказал бы просто и решительно начальнику сыскной полиции: «Послушайте, вы не станете преследовать против моего желания моего будущего зятя, – могу даже сказать, действительного зятя, потому что молодой человек формально уже обручен с моей дочерью, и все это видели и знают. Размеры приданого уже определены и решены, и я ему уже передал управление моим домом и все необходимые полномочия. Он принес вам жалобу на крупную кражу в кассе, надеясь с вашей помощью найти вора, а вы его арестуете как преступника! Есть ли тут смысл? Не достаёт только вам арестовать меня самого. К тому же Бартес ошибается: он думает, что случилась кража, а я нахожу, что это не что иное, как простая ошибка в счетах, которая в свое время будет обнаружена... Одно из двух: или Бартес – уже мой компаньон, и тогда недоразумение может быть улажено обыкновенным сведением счетов между нами, или он еще продолжает оставаться моим кассиром, и в таком случае вам нечего тут делать, так как я никакой жалобы не приношу и прямо заявляю вам, что кражи в этом деле не вижу. Согласитесь, немного странно уверять кого-нибудь против его желания в том, что его обокрали!»

Ни один судья не стал бы противоречить, выслушав такое решительное заявление!

Да, все это так, и он высказался бы ясно и определенно. К несчастью, он имел дело с людьми своего ремесла, своей профессии, которые нелегко выпускают из рук «громкое дело»! Начальник сыскной полиции и следственный судья поставили ему на вид, что раз половина крупной кражи, пятьсот тысяч франков, найдена в квартире его кассира, он не имеет уже права смотреть на дело так легко. Они привели ему в пример множество подобных случаев, когда честные люди оставались таковыми в течение многих лет, но потом вдруг, в один прекрасный день, оказывались преступниками! Наконец, кто может с уверенностью сказать ему, что подобных проделок с деньгами не случалось уже много раз и прежде в его доме, но так, что все выходило шито-крыто? В таком крупном учреждении, как его банк, разные злоупотребления могут обнаружиться не скоро... И сколько солидных банкирских домов было уже скомпрометировано подобным образом?!

Поколебленный всеми этими доводами, оглушенный громким хором слишком усердных блюстителей общественной нравственности и правды, не желавших выпустить лакомый кусок из своих рук, банкир позволил убедить себя в виновности своего нареченного зятя, и дело последнего было проиграно. Мало того, он так сумел уверить себя в его виновности, что сам стал уверять в ней других, например, жену, яростно нападая на человека, которого всегда знал как честного и в преступности которого, в сущности, ничто его не убеждало.

Празднуя снова свое семейное торжество, но будучи далеко не в праздничном настроении, он опять уединился с женой в ту же самую маленькую гостиную, где год назад решал с ней счастье своей дочери, и начал теперь высказывать ей все наболевшее и накипевшее за год в его душе: он был увлечен в дурную сторону людьми, привыкшими видеть всюду обман и преступление, его ослепили и, сильно возбудив его подозрительность, натравили на этого несчастного Эдмона... Но все тогда были кругом в таком же возбуждении, не исключая и самого подсудимого, который, оправдываясь, так резко говорил против него, своего патрона, что надолго оставил неприятное о себе воспоминание.

– Ничего не остается, – сказал он в заключение жене, – как постараться забыть, похоронить это навсегда!

– Если только забвение возможно для нас, – ответила с прежней горечью жена, – мы ведь видим уже, что не дали счастья нашей дочери. Мы дали ей в мужа такого человека, который не способен составить счастье своей жены и который очень скоро сбросил с себя маску! Согласись, что я его разгадала: холодная, честолюбивая, расчетливая натура, и ни капли умения ценить сердечные сокровища Стефании, характера которой он даже не понимает!

– Надеюсь по крайней мере, что наш дом в верных руках, – попытался утешить себя старый банкир.

– Кто знает? Ты теперь смотришь за ним и удерживаешь его от излишней склонности к спекуляциям, на которые он так падок, но когда не станет тебя, ни я, ни Стефания не будем в состоянии обуздывать его.

– Но я еще не предполагаю так скоро оставить свое место, – возразил банкир.

– Да хранит тебя Бог – не для нас с дочерью, – мы вполне обеспечены во всем, но для чести дома, который ты основал, и для будущих наших внуков!

В эту минуту вошел камердинер и подал банкиру письмо на подносе.

Тот вскрыл его и, побледнев, передал жене. Письмо заключало в себе несколько строк:

«Господину Жюлю Прево-Лемеру, в Париже.

Я вам служил четырнадцать лет с преданностью и искренностью, которые никогда не обманывали вас. В благодарность за то вы посылаете меня в ссылку, тогда как ваша совесть говорила вам, что я невиновен. Помните же это! Если когда-нибудь вы окажетесь в моей власти, вы не найдете во мне жалости к себе, как не нашел ее в вас мой старик-отец!

В этот вечер меня увозят из Франции. Не желайте увидеть меня опять в ее пределах!

Эдмон Бартес».

Письмо выскользнуло из рук несчастной женщины к ее ногам, и слезы, которые она с трудом сдерживала, потекли по ее бледным, исхудалым щекам.

– Он грозит нам! – воскликнул Прево-Лемер наполовину с горечью, наполовину с заде-тым самолюбием. – Чем же может быть опасен нам этот несчастный, живя в качестве преступника там, на этом далеком острове?

– Я не знаю, – отвечала госпожа Прево-Лемер, с глазами, все еще полными слез. – Но он имеет право если не грозить, то по крайней мере жаловаться на свою участь!

На другой день «Petit Journal» поместила на своей четвертой странице следующее не совсем обычное объявление:

«Заявление от «Х. Y. Z. 306» получено. Благодарю! До скорого свидания – или прощайте навсегда!»

XIII

Однажды утром жители Сан-Франциско, живущие в окрестностях порта, а также моряки разных судов, находившихся на стоянке, были немало удивлены, увидев около верфи, служащей продолжением Вашингтонской улицы, великолепное военное судно, с желтым флагом на носу; на флаге, в самом центре его, был изображен красный дракон – очевидно, герб китайского богдыхана.

Никто вечером, накануне этого утра, не заметил интересного судна, которое было в новинку для жителей столицы Калифорнии. По словам стражи на верфи, оно пришло ночью, без лоцмана, и с такой уверенностью заняло место в порту, словно последний был ему давно знаком.

Судно было не из больших – всего около семидесяти пяти метров в длину, но зато построено было по всем правилам новейшего судостроительного искусства. Обшитое броней и вооруженное шестью пушками, оно имело вид небольшого монитора. Пушки двигались по рельсам, которые прикрывал плотный навес для защиты канониров. Но что более всего на судне бросалось в глаза постороннему наблюдателю, так это резервуары, которые механик мог, когда нужно, наполнять морской водой. С наполненными резервуарами оно опускалось до уровня океана и в таком виде могло плыть совершенно незаметно. Две его мачты ложились тогда вдоль палубы, а пушки скрывались в предназначенное для них место, и никто не мог бы, заметив одну плывущую палубу, догадаться, что она принадлежит превосходно оснащенному военному судну первого ранга.

По своему виду броненосец походил на подобного типа суда французского и английского флота, но желтый флаг с драконом, развевавшийся на мачте, ясно указывал на его принадлежность; на то же указывала и надпись «Иен», красовавшаяся на носу судна.

Командовал «Иеном» молодой еще человек, не более тридцати лет, с аметистовым шариком на фуражке и с десятью звездами, из которых пять помещалось на воротнике сюртука и пять – на его рукаве. Судя по этим знакам отличия, командир должен был принадлежать к высшим чинам китайского флота, потому что мандарин с аметистовым шариком – это почти то же, что адмирал в европейской морской службе. С глазами, лишь слегка раскосыми, со светло-желтой кожей, он, по всей вероятности, был уроженец северного Китая, жители которого гораздо энергичнее и способнее своих южных собратьев, а по своей наружности значительно приближаются к европейцам.

Все офицеры судна носили американские сюртуки и фуражки, введенные в китайском флоте американскими моряками, которые первыми были приглашены китайским правительством организовать морское дело в стране. Остальные чины экипажа одеты были в свой обыкновенный национальный костюм: блузы, стянутые на талии, широкие панталоны и шапки с квадратными верхушками.

Большинство офицеров и матросов были, подобно командиру, уроженцы северных провинций Китая и выглядели здоровыми и сильными людьми. У них были загорелые лица, украшенные длинными бакенбардами и гладко выбритыми подбородками, – по обычаю американских моряков...

Как мы уже сказали, «Иен» пришел в Сан-Франциско ночью, незадолго до рассвета, и без сопровождения лоцмана. Мало того, приближаясь к рейду, он, очевидно, погасил свои сигнальные огни, почему и прошел незамеченным береговой стражей Рок-Пойнта. Такое поведение судна было прямым нарушением портовых правил, требующих, чтобы каждое судно, подходя к рейду Сан-Франциско, обязательно вызывало себе лоцмана. Правда, от этого нарушения не произошло никакого вреда ни для самого китайца, ни для других кораблей, а законы Америки тем и отличаются от европейских, что преследуют не само противозаконное дело, а лишь

тот вред, который сопряжен с ним, тем не менее общество калифорнийских лоцманов, считая себя в убытке от свободного прохода в порт китайского военного судна, немедленно собралось на набережной у вашингтонского бара для обсуждения вопроса: должен ли командир «Иена» быть привлечен к ответственности за свой самовольный поступок?

Пробираясь украдкой на рейд, китайский адмирал, по-видимому, знал, что он нарушает правила, которым подчиняются в подобных случаях моряки всех наций, но он слишком спешил и не желал тратить времени на сигнализацию, вызов лоцмана и тому подобные процедуры. По этой причине «Иен», едва только заметил в отдалении берега Сан-Франциско, погасил свои огни, погрузился до уровня океана и, ловко пробравшись через опасные проходы, никем не замеченный вошел в порт.

Здесь, лишь только броненосец кинул якорь, один из его офицеров тотчас же сошел на набережную и обратился к первому попавшемуся констеблю с просьбой на чистейшем английском языке:

– Мне нужно лучшего доктора в городе, но только, пожалуйста, настоящего француза!

– Пинье-Дюпоинтрень, Кервейская улица, близ Вашингтонского сквера, – отвечал ему почти что сквозь зубы (как это обыкновенно бывает) представитель Сан-Францисской полиции.

Офицер отправился по указанному адресу и, найдя доктора в своем кабинете, немедленно привез его с собой на борт «Иена».

Больной, к которому привели доктора, находился, по всем признакам, в опасном положении, потому что все приказания на судне отдавались значительно пониженным голосом, чаще даже знаками, чем словами. По лицам и жестам матросов можно было заключить, что им было приказано производить как можно меньше шума при выполнении своих обязанностей. Офицеры также проходили по палубе в молчании, обмениваясь только немногими односложными словами или сомнительным покачиванием головы, ясно говорившим, что они мало надеются на выздоровление больного.

Этим больным, разумеется, был не сам командир судна, потому что, лишь только рассвело, он появился на палубе, салютуя городу двадцатью одним пушечным выстрелом, в ответ на которые немедленно раздались выстрелы со стороны таможни. Затем, когда доктор, пробыв у постели больного более часа, вышел наверх, командир проводил его до самой рубки, спросив на прощание взволнованным голосом:

– Итак, нет никакой надежды?

– Я бы солгал, князь, – отвечал доктор, – оставляя вам хоть малейшую надежду: в лета его сиятельства природа больше не совершает чудес, и третий приступ лихорадки будет для него роковым. Лекарство, которое я назначил ему, может отдалить этот приступ, но ненадолго: оно действует только несколько часов. А затем – сегодня вечером или, самое позднее, ночью – должно ожидать печального исхода болезни.

– Все-таки, доктор, я вас умоляю, как вы обещали, навестить нас после ваших срочных визитов, чтобы уже не покидать нашего дорогого больного, – сказал командир судна.

Доктор поклонился в знак согласия и покинул судно, после чего тот, кого он назвал князем, в печальном раздумье опять удалился вниз.

Молодой командир, безусловно, имел право на титул князя, так как, когда он через некоторое время отправился в город нанести визиты губернатору штата Калифорнии и мэру Сан-Франциско, на его визитных карточках стояли следующие слова:

«Князь Иен, адмирал Китайского флота».

«Китайского флота»! Как ни странно должны были звучать эти слова в ушах калифорнийцев, привыкших глубоко презирать желтолицых сынов Небесной Империи, они теперь не могли уже сомневаться, что презираемые китайцы действительно могут иметь свой военный флот: «Иен», как игрушка, красовался перед глазами многочисленной толпы, которая могла

наблюдать не только превосходное устройство судна, но и прекрасные качества его экипажа. Это зрелище возбуждало невольное удивление среди интеллигентной части зрителей и заставляло их с уважением смотреть на броненосного представителя китайской силы. К сожалению, далеко не все зрители относились к китайцам подобным образом. Среди толпы набралось много уличных зевак, пришедших на набережную от нечего делать и принадлежащих к подонкам Сан-Франциско. Когда им наскучило стоять смирно, они принялись отпускать в адрес китайских матросов, показывавшихся на палубе, разные остроты и шутки на различных языках, которые, как они предполагали, были известны китайцам, сопровождая их гомерическим хохотом.

Китайцы, однако, не обращали ровно никакого внимания на уличных героев, которые сочли себя не на шутку оскорбленными таким полным невниманием к себе и очень скоро от острот перешли к прямым оскорблениям.

– А ну-ка, – кричали самые завзятые среди них, – если бы мы взяли на abordаж этих кукол с пергаментными мордами?!

– Как жалко, черт возьми, – восклицали другие, – что мы не в каком-нибудь мексиканском портовом городишке, где люди живут без лишних церемоний! Взяли бы мы их тогда за косы да в воду, а сами бы на их судне отправились на прогулку по Тихому океану, на какой-нибудь там островок! Чудная штука вышла бы!

Один из китайских офицеров, желая узнать о причине шума на набережной, показался было на палубе, но его в ту же минуту ошкаркали и освистали. Китаец с молчаливым презрением повернулся спиной к толпе и ушел с палубы. Это окончательно взбесило скандалистов. Наглая чернь, дойдя до возбуждения стада бессловесных животных, принялась хохотать и аплодировать всяким пошlostям и грубостям, которые сыпались на головы молчаливых и скромных китайских моряков.

Но вдруг крики толпы утихли: на палубе китайского судна показались десять матросов и, выстроившись по два в ряд под командой офицера, стали спокойно переправляться на набережную. Все это были сильные рослые молодцы, которым совсем, по-видимому, не в диковинку была городская мостовая, – с такой уверенностью и так солидно ступали они по ней!

Матросы отправились на рынок за провизией, и шумевшая толпа как-то невольно раступилась, давая им дорогу, может быть, потому, что на лицах этих молодцов было написано: «Ну-ка, попробуйте теперь шутить ваши шутки! Увидите, с кем имеете дело!»

Когда матросы скрылись из виду, жители, не принимавшие до сих пор участия в забавах уличных героев, стали смеяться над этими последними, говоря, что они спасовали перед китайцами, оказавшись с ними лицом к лицу.

Задетые за живое, крикуны отвечали на эти шутки, что они потому только и дали китайцам свободно пройти, чтобы остановить их по возвращении с рынка: тогда они отнимут у желтолицых провизию и на славу угостятся у содержателей пивных на набережной, к которым они потом отправятся с добычей в гости!

XIV

Обещание расправиться с китайцами по возвращении их с рынка, отняв у них провизию, было подхвачено дружными аплодисментами со всех сторон, и от него нельзя уже было отступить из опасения, в противном случае, подвергнуться жестоким насмешкам со стороны тех, кто слышал эту похвальбу.

– Кто же начнет? – спросил Том, один из уличных героев, знаменитый неумеренным употреблением виски и вечными историями с полицией, которая имела дело с ним чуть не каждый день.

– Все сразу, – решил Тернбулл, малый колоссального роста и автор этого предложения.

– Нет, – возразил Том, – по-моему, не так: дело касается вежливости, не так ли, господа?

– Конечно, да! – согласилась толпа зрителей.

– Очень польщен вашим согласием, джентльмены, очень польщен! Но позвольте мне продолжить, так как вам неизвестно, что я хочу сказать...

– Продолжай, мы слушаем! – закричали со всех сторон.

– Я повторяю, что следует быть вежливыми с этими почтенными иностранцами. Итак, один из нас, например Тернбулл, которому принадлежит блестящая идея, соблазнившая всех нас, должен будет представиться этим господам со шляпой в руках и сказать: «Джентльмены, так как вы были столь любезны, что избавили нас от труда ходить на рынок за провизией, то соблаговолите теперь вручить ее нам, после чего мы вам предоставим возможность спокойно вернуться домой. В случае же вашего несогласия на нашу просьбу мы должны будем, как это ни прискорбно будет для нас, прибегнуть к силе, чтобы принудить вас возвратить принадлежащее нам по праву». Вот что я предлагаю, джентльмены, на ваше просвещенное и беспристрастное усмотрение; вежливость прежде всего – это мой девиз!

– Хорошо! Согласны! – послышалось отовсюду. – Том прав! Тернбулл проворчал что-то, но должен был согласиться с предложением Тома, учитывая общее сочувствие.

– Ладно, – произнес он угрюмым тоном, – хотя, по-моему, не стоит так церемониться с китайцами... Вы хотите, чтобы я начал? – Пусть... Но у меня язык не так ловко привешен, как у Тома, и если он не будет мне повиноваться, то от слов я немедленно перейду у делу!

– Так, так, браво! Ура, Тернбулл! – закричала толпа.

В этот момент показались китайские матросы под командой офицера, выходившие с Клейской улицы. Уже издали было видно, что саки их наполнены разнообразной провизией: мясом, овощами, рыбой, зеленью и тому подобным кухонным материалом.

В толпе послышались было радостные крики, но тотчас же смолкли, так как буяны не хотели предупреждать ими китайцев, которым готовился сюрприз. Кроме того, они желали избежать внимания со стороны экипажа «Иена», который, будучи привлечен криками на набережной и увидев своих товарищей в жалком положении, мог выслать им на выручку вооруженных людей, что уже не входило ни в чьи расчеты.

Между тем китайцы приближались. За ними, как всегда бывает, следовала целая толпа. Констебли уже чуяли неладное, но, не желая восстанавливать против себя население порта из-за «каких-то китайцев», дефилировали вдалеке от места будущей свалки, избегая таким образом возможности оказаться в ней.

«Вот они! Вот они!» – кричали уличные мальчишки, которые проведали, что готовится нечто интересное для них. И Тернбулл, сняв свою скомканную шляпу, двинулся навстречу китайцам. Но так как он перед тем имел время достаточно нагрузиться, то язык плохо повиновался ему, и спич, обдуманый и готовый при нагружении, вдруг испарился из его памяти. Ввиду такого казуса он решил, что лучше действовать напролом и потому объявил толпе зрителей следующее:

– Черт возьми, джентльмены, я не из особенно ловких адвокатов, у которых языки всегда без костей, и потому больше люблю действовать, чем говорить. Вследствие сего предлагаю тур очень хорошего танца одному из этих плохо отбеленных господ. Победителю провизия, джентльмены! Черт возьми, пари открыто!

Толпа крикнула «браво» Тернбуллу: ей очень понравилось неожиданное изменение в программе спектакля, который готовился ею и в который вдруг вошло пари, столь любимое всей англосаксонской расой удовольствием.

Тогда Тернбулл подошел к старшему китайских матросов, которые совсем уже приблизились к месту, где их ожидали, и, загородив ему дорогу, сказал:

– Гм! Джентльмен! Извините, но я должен... гм!..

– Что вам угодно от меня? – резко перебил его нескладную речь китайский моряк на прекрасном английском языке.

– Мне угодно... гм! Да что тут долго разговаривать, черт возьми!

– Проваливай, пьяница! – решительно ответил ему моряк. – У меня нет времени выслушивать подобных тебе!

Толпа зрителей, озадаченная таким отпором со стороны китайцев, была изумлена и молчала... Да, это не те робкие и покорные китайцы, которые живут на окраинах города и которые так похожи на средневековых евреев, боязливо переступавших границы кварталов, отведенных им для местожительства!.. Нет, не те! И толпа с огромным интересом стала ожидать развязки истории, принявшей новый оборот, еще более неожиданный.

Сам Тернбулл был так озадачен этим новым оборотом, что невольно раскрыл рот, не зная, что предпринять, чем и вызвал смех у зрителей. Том воспользовался мгновением тишины и сказал ему:

– Ну, теперь моя очередь, но я не дам так отобрить себя!

И он в бешенстве, точно бык на арене испанского цирка, бросился к китайцу, засучивая рукава и обнаруживая свою могучую мускулатуру.

– А, так-то ты принимаешь вызов, негодная обезьянья морда! – гаркнул он. – Ну, прочь мешки и корзины с провизией, да поживее, а не то я не стану долго ждать!

И он протянул вперед, как дубину, свою ручищу со страшным кулаком.

В рядах китайских моряков раздался возглас, на этот раз на французском языке:

– Эй, Порник! Видишь штуку? Хочешь, чтобы я поставил хорошую припарку на эту физиономию?

– Молчи! – отвечал с достоинством спрошенный. – Прежде всего ты не имеешь права говорить так с твоим командиром, а затем ты не знаешь, как следует говорить со штатскими. Слушайся старших, молодец, и извлекай из того пользу себе, тогда получишь и повышение!

– Извините, командир, но так как дело в том, чтобы превратить эту физию в печеное яблоко.

– Ну, будет с вас вашей китайщины! – прервал Том это маленькое объяснение. – Я начинаю: раз, два...

– Хорошо! Тебе, конечно, не жаль твоей дрянной физиономии, и я в две секунды и в три приема придам ей иной вид, которым ты останешься доволен. Ну, защищайся, – я иду в атаку: раз! два!.. три!..

Сказав последнее слово, китайский моряк сделал шаг вперед к своему противнику и кулаком правой руки, вытянутой плавно, как пружина, влепил ему такой удар между глаз, что тот, упав, покатился на мостовую.

Потом, обедая окружавшую его толпу спокойным взглядом, как будто ничего особенного не случилось, победитель сказал:

– С этим покончено. Теперь чья очередь?

Единодушные аплодисменты были ему ответом со стороны уличных зевак: решительность и сила моряка мгновенно расположили их в его пользу.

– Никому более не угодно? – продолжал китайский моряк. – Ну так, значит, все довольны? И отлично! Привет честной компании!

И, повернувшись к своим, он произнес:

– Ну, ребята, пора домой! Вперед! Марш!

И матросы в прежнем стройном порядке зашагали за своим старшим. Крики «ура» и «браво» раздались им вслед и сопровождали их до самого судна. Теперь симпатии были всецело на стороне китайцев.

Читатель, конечно, узнал уже в матросе, который желал поставить «хорошую припарку» Тому и получил за то выговор от старшего, знакомого нам кавалера, провансальца Мариуса Данео, врага жандармов, а в командире – знаменитого Порника из Дуарнене, противника всех флотских офицеров, которому судьба, в горькую насмешку, дала как раз эту должность на борту «Иена».

Каким же образом эти бравые молодцы, которых мы знали в Новой Каледонии, очутились на военном китайском судне? Дальнейший наш рассказ объяснит читателям эту неожиданность.

В то время, как эта замечательная в своем роде сцена совершалась на улице, на китайском броненосце, в командирской каюте, происходила другая, совсем непохожая на только что описанную... Чтобы читателям было понятно, о чем пойдет речь дальше, нам надо вернуться немного назад – к моменту пушечного выстрела, возвестившего о бегстве из пенитенциарного заведения четырех китайцев.

Читатели помнят, что вместе с китайцами бежали и приставленные к ним для наблюдения моряки, а также Эдмон Бартес – бывший главный кассир дома Прево-Лемер, осужденный и сосланный за преступление, в котором не был повинен.

В ту бурную ночь неизвестное судно, несмотря на бурю, подошло к берегам Новой Каледонии и так удачно остановилось за мысом большого острова, что совершенно избежало электрических огней «Бдительного», делавшего свой обычный ночной осмотр берегов Ну, где помещалось пенитенциарное заведение.

Это неизвестное судно и было «Иен». Построенный в Америке по заказу Поклонников Теней, броненосец имел экипаж из опытных американских моряков, с которыми заключен был контракт на три месяца плавания за очень щедрое жалованье. Во главе экипажа стоял ловкий капитан, также американец, хорошо знающий все группы островов Тихого океана. Действительным командиром «Иена» был, однако, не он, а Ли Юнг, один из ближайших сподвижников Короля Смерти, а его помощником – Ли Ванг; первый из них имел звание контр-адмирала китайского флота, второй – капитана.

До устройства французами арсенала в Фу-Чеу и создания ими настоящего флота у китайских императоров не было ничего в подобном роде, и они должны были довольствоваться по части морского дела услугами пиратов. Последние, как мы уже знаем, извлекали из своих услуг огромные выгоды, а их глава даже получил от императрицы Нан Ли титул «короля морей и рек». Только с организацией настоящего морского дела этот титул оказался лишним, так как морская школа в Фу-Чеу стала выпускать настоящих моряков для недавно возникшего китайского флота. Тем не менее Кванг продолжал еще раздавать чины и повышения своим соратникам, которые, по издавна заведенному в Китайской империи обычаю, вписывались в ее «Желтую книгу». Таким-то образом сподвижники Кванга получили свои чины. Впрочем, Ли Юнг и Ли Ванг были допущены к исполнению своих обязанностей на «Иене» только после того, как основательно ознакомились со сложным механизмом судна и с искусством обращаться с его электрическим аппаратом. После этого они приняли «Иен» под команду и с наемным экипажем из американцев пустились в плавание для освобождения Кванга из неволи. Достигнув

Новой Каледонии, «Иен» в течение почти пяти дней крейсировал в водах острова, едва показываясь на горизонте. Но всякий раз, как наступала ночь, он немного приближался к острову и пускал несколько ракет, которые незнакомый с положением дел мог принять за падающие звезды. Число этих ракет удваивалось с каждой ночью, чтобы те, кому адресованы были сигналы, не приняли их за что-нибудь случайное. Кроме того, Кванг был еще за месяц до бегства предупрежден шифрованным письмом, которое он получил через банкира, выдававшего ему деньги от общества Поклонников Теней. В этом письме говорилось, между прочим, и о вышеупомянутых сигналах, которые должно было давать судно, должное освободить его, и о том, чтобы в первую же ночь, когда заключенные увидят сигналы, они ответили бы на них чем-нибудь подобным, не возбуждая, конечно, подозрения стражи: это будет означать, что бегство должно совершиться в третью ночь после той, когда замечены были сигналы. «Иен» тогда приблизится к восточному мысу острова Ну и пошлет шлюпку для принятия бежавших.

Все осуществилось так, как было рассчитано, но буря, разыгравшаяся как раз в назначенную для бегства ночь, грозила разрушить все планы! Необходимо было действовать быстро и смело, тем более что «Иен» с минуты на минуту мог быть отброшен к страшным рифам у берегов острова, где потерпел бы неминуемое крушение.

По команде Ли Юнга с «Иена» была спущена шлюпка с шестнадцатью дюжими гребцами, которая и двинулась на выручку заключенных. Двадцать раз она пыталась приблизиться к острову Ну, но всякий раз волны отбрасывали ее. Наконец усилия гребцов преодолели ярость волн, шлюпке удалось обогнуть восточную оконечность острова и достигнуть небольшой бухты, защищаемой от бурных порывов ветра скалами, которые в то же время укрывали ее и от огней «Бдительного».

XV

Мы уже знаем, что Бартес, предупрежденный Порником, несмотря на двух часовых, пробрался к домику Фо, где было назначено свидание заключенных перед побегом. Но он явился сюда не один: невдалеке от домика он неожиданно увидел фигуру какого-то человека, неясно вырисовывавшуюся в темноте, и услышал голос, показавшийся ему знакомым:

– Не бойтесь, господин Бартес: это я, Кролик, помните?

Бартес узнал своего недавнего товарища по заключению, который татуировал ему руку, и с удивлением спросил:

– Что ты тут делаешь? Только говори как можно тише, – прибавил он, – часовые в пятидесяти метрах отсюда.

– Не бойтесь, они не услышат нас: ветер дует в противоположную сторону... А что я тут делаю, это можно объяснить в нескольких словах: жду вас, чтобы сказать вам: «Возьмите меня с собой».

– Куда это?

– Туда, куда вы отправляетесь.

– А если тебя не захотят там?..

– Ну, что же делать! Пожалею, конечно, и буду искать нового случая вырваться отсюда, но добрых людей, во всяком случае, не выдам, если бы они и не оказались добрыми ко мне.

– Ну ладно! – решил Бартес. – Ступай за мной и молчи! Да без малейшего шума.

И они стали осторожно пробираться через кустарники к домику Фо, боясь света ежеминутных молний, который мог выдать их. Через несколько минут оба добрались до него и вошли в жилище старого китайца, где были в сборе уже все, то есть четыре китайца и четверо их товарищей-наблюдателей.

Фо даже не обратил внимания на новое лицо, явившееся с Бартесом, не интересуясь, по-видимому, ничем посторонним, кроме предстоявшего бегства. Комната слабо освещалась ночником, который при малейшей тревоге в одну секунду можно было погасить, и все общество было занято чаепитием. Это занятие было далеко не лишним ввиду предстоявшей борьбы с морем, которое могло захлестнуть их своими ярыми волнами, прежде чем они попадут на ожидавшее их судно.

Теперь беглецы ждали лишь прохода патруля, который делал обход в час ночи, сменяя солдат, выставленных у домиков заключенных, после чего готовы были навсегда уйти из своего заключения.

Вместе с прочими был и Ланжале Парижанин – тот самый Ланжале, который был подкуплен Гроляром, присланным из Парижа на помощь генеральному прокурору. Здесь скажем, что товарищи ничего не знали о его тайном уговоре с парижским сыщиком и продолжали относиться к нему по-прежнему, то есть по-приятельски, откровенно и прямодушно. И совесть нисколько не упрекала Ланжале за сделку с сыщиком, которому он обязался предавать, по мере возможности, своих товарищей и друзей. Он серьезно смотрел на свой договор с Гроляром. Он дал уговорить себя потому только, что не находил нужным отвечать так резко, как отвечали его товарищи, и, кроме того, его интересовала личность полицейского из Парижа, который, помимо уговора, мог быть полезен ему и чем-нибудь другим. Словом, как более цивилизованный человек, он привык поступать в подобных случаях дипломатично и осмотрительно, а не идти напролом, как медведь, с которым он в шутку сравнивал иногда своих товарищей, любивших действовать слишком прямолинейно и грубо.

«Повожусь с этим Гроляром, – говорил он себе, – повожу его за нос, посмотрю, что можно будет извлечь из него, а затем и побоку старого плута!»

Сразу же после знакомства с парижским гостем, выдававшим себя, как мы знаем, за крупного капиталиста из Бордо, Ланжале рассудил о нем так:

«Я не обязан держать свое слово по отношению к этому господину, планов которого я не знаю, хотя ясно, что они не на пользу наших друзей. Уменьшение четырехлетнего срока, который остается мне отбывать тут, освобождение от военной службы и деньги, если я соглашусь шпионить за друзьями, – все это доказывает, что тут дело нечисто. И затем, как он узнал, что мы замыслиаем бегство?.. Во всяком случае, я хорошо сделал, приняв его предложение, потому что, очевидно, у этого человека губа не дура и он ни перед чем не остановится, если ему что-то будет мешать. Ответ я ему так, как ответили товарищи, – он мог бы, пожалуй, сменить нас всех, приставив к китайцам других, более удобных для него, чем мы, и тогда – прощай все, на что есть теперь надежда! Тяни прежнюю четырехлетнюю ляжку!.. Нет, надо, пока что, хитрить! А когда мы вырвемся из этого острога, – при первом же удобном случае предостерегу насчет этого субъекта папашу Фо!»

Так провел бравый Парижанин опытного полицейского пройдоху, который уехал обратно в Париж, вполне уверенный, что наставил на путь истины генерального прокурора, предложив ему такой план для возвращения похищенной коронной драгоценности и дав ему в пособники такого человека, что теперь остается только ждать с закрытыми глазами самых блестящих результатов.

Но вернемся к заключенным.

С необыкновенным возбуждением слышали они удар колокола в пенитенциарном заведении, возвещающий час полуночи и вместе с тем приближение патруля, который должен был сменить караульных.

– Гаси огонь – сказал Фо Порнику.

Ночник был потушен, и в домике воцарилась непроглядная темнота, сопровождаемая глубоким молчанием.

Наконец патруль прошел, не заметив ничего подозрительного, и два новых часовых успели уже обменяться обычным своим возгласом, жутко нарушавшим тишину ночи и однообразный вой бури:

– Слуша-ай!

Только спустя полчаса после этого Порник решил подать голос:

– Дядя Фо, – произнес он почти шепотом, – не время ли?

– Иди, милейший, – сказал старый китаец на прекрасном французском языке, – и будь осторожен!

– Не бойся, – успокоил его Порник, – это Легроль и Тюрпен, они меня знают, и мы уже успели уговориться. Они просили только не забыть маленькой порции «птичьего молока» и пары галеток.

– Все готово, – сказал китаец, – вот два мешка, в них по сто пиастров и все прочее, что тебе надо.

– Ладно!

– Ну, так ступай, сын мой, и да поможет тебе Великий Паньгу!

Взяв мешки, Порник вышел из домика Фо на свою опасную экскурсию: предстояло обратиться к двум только что поставленным часовым и вручить им то, о чем накануне был разговор. Порник остерегся сообщить солдатам, что дело касается бегства из пенитенциарного заведения, – это было бы слишком рискованно, так как солдаты отказались бы тогда от всякой сделки; он сказал им только, что «папаша Фо» будет праздновать день своего рождения и по этому случаю пригласил к себе своих товарищей и компаньонов, а им предлагает по сто пиастров, чтобы они не слишком обращали внимание на праздничный шум в его домике.

Часовые охотно согласились на подарки и на предложение; при этом они прибавили, что им необходимо будет «птичье молоко», которое они примут в кружках, предназначенных для

лимонада, – на тот случай, если китайцы неожиданно будут инспектированы среди их праздника; тогда часовым будет чем оправдаться в неисправности по службе: в их лимонад подмешали, очевидно, усыпительный порошок, от которого и сморил их сон. Этим способом они избегают пятнадцатисуточного ареста, назначаемого полковником и обыкновенно удваиваемого генералом.

Мы уже знаем, что эта идея оказалась спасительной для бедняг, поддавшихся звону золотых пиастров и не помышлявших о бегстве заключенных, за которое им грозил военный суд.

Через несколько минут Порник вернулся в домик Фо, потирая руки с видом человека, вполне успевшего в том, что нужно было сделать.

– Ну, друзья мои, – сказал он, – теперь поторопимся оставить эти зланные места, потому что служивые, с которыми я сейчас разговаривал, могут накрыть нас на том, о чем они не догадываются: ожидая праздничного шума и слыша вместо него одно мертвое безмолвие, они могут прийти посмотреть, в чем дело, а это будет очень неудобно для нас!

– Порник прав! – сказал Пюжоль, один из товарищей-наблюдателей. – Надо ковать железо, пока горячо.

– Ну так вперед! – скомандовал Порник, заметив знак, поданный старым Фо, в котором никто из них не подозревал страшного Кванга, об удивительных подвигах которого им иногда рассказывали три другие китайца.

Чтобы не выходить через дверь, которую нарочно заперли изнутри, заключенные ушли из домика через отверстие в задней стене, накануне проделанное для этой цели и тщательно замаскированное палками бамбука, которые были вынуты из стены. Затем все они тихо двинулись к берегу, сулившему им или свободу, или гибель в волнах бушевавшего моря.

XVI

Ночь была такая, какие бывают только в тропиках, – темная до того, что беглецы не могли видеть даже друг друга, и каждый из них должен был идти ощупью, протянув руки вперед. Особенно трудно стало идти, когда они вошли в густую высокую траву, похожую скорее на кустарник: они решительно не могли сообразить, в какую сторону следует взять, чтобы достигнуть моря, тем более что рев урагана совершенно заглушал шум волн, который при других обстоятельствах мог бы служить им указателем. Бартес взял тогда на себя труд указывать дорогу товарищам. Пользуясь некоторой свободой сравнительно с другими заключенными, он исходил остров Ну вдоль и поперек и, между прочим, отлично знал бухту Пальм, в которой по целым часам удил рыбу. Таким образом, он лучше, чем кто-либо другой, мог вести товарищей по трудной и опасной дороге.

– Ложитесь в траву! – вдруг скомандовал он, первым бросаясь на землю.

Едва все успели последовать его примеру, как яркая полоса электрического света выхватила из тьмы место, где они стояли обнаруживая все малейшие подробности местности. Замешкайся беглецы хоть немного исполнить приказание Бартеса, – они были бы замечены с палубы «Бдительного», и дело их было бы проиграно!

«Иен» со своей шляпкой находился под прикрытием скалы и потому не мог быть замечен «Бдительным». Но каким образом группа, состоявшая из десяти человек, через каждые пять минут освещаемая электрическими огнями и двигаясь наугад, осталась незамеченной ни фрегатом, ни часовыми, посты которых были размещены в разных направлениях, – этого не мог бы объяснить никто, ограничившись стереотипной фразой: «Сама судьба покровительствовала им!»

Неожиданный луч света принес даже пользу беглецам: он указал им дорогу к морю!

– Возьмите друг друга за руки, – сказал Бартес, – и бегите за мной!

Все поступили согласно приказанию и пошли за ним с такой быстротой, на какую только были способны. Ураган заглушал их голоса и шаги, и в этом отношении они могли быть спокойны.

Луч электрического света еще раз осветил их, но они опять скрылись от него в густой траве. На этот раз при его свете Бартес мог убедиться, что они не сбились с дороги: он заметил знакомую верхушку скалы в бухте Пальм, к которой они направлялись.

Вдруг позади беглецов раздался шум чьих-то тяжелых шагов, точно кто-то гнался за ними, стараясь настигнуть.

– Ложитесь в траву и молчите! – скомандовал Бартес. Но в это самое мгновение две сильные, тяжелые руки опустились на его плечи, и он в отчаянии воскликнул: – Пропало все! Спасайся кто может!

Но тут третий луч электрического света, прорезав мрак, объяснил беглецам причину тревоги. В этом было их спасение: иначе, бросившись врассыпную, они неминуемо наткнулись бы на расставленных там и здесь часовых и все, один за другим, были бы переловлены! Виновником тревоги оказалась огромная собака из породы догов, которых пенитенциарное заведение держало по несколько штук, выпуская их по ночам рыскать по всем направлениям и искать подозрительных людей. Когда дог настигал кого-нибудь, он сваливал человека с ног своими сильными лапами и крепко держал его под собой, подавая сигнал о находке оглушительным лаем...

На этот раз, однако, огромная собака не выказывала никаких враждебных намерений. Это был четвероногий приятель Бартеса Неро, которого молодой человек давно приручил подачками и ласковым обращением. Неро узнал своего друга и не стал лаять, а только прыгал вокруг него, радуясь встрече.

Опомнившись от испуга, беглецы продолжали свой путь к морю и в скором времени оказались на берегу.

– Эй, шлюпку! – закричал Порник по приказанию Фо.

– Кто идет? – раздался вопрос по-английски.

– Иен и Кванг! – подал Порник условленный пароль.

– Садитесь! – был ответ со шлюпки.

В минуту все были на своих местах. Неро тоже вскочил в шлюпку, заняв место возле Бартеса, а когда матросы вздумали гнать его на берег, он оскалил зубы и начал так грозно рычать, что никто не решился насильно прогнать его. Однако американец-офицер настаивал на том, чтобы собака была удалена со шлюпки; тогда Бартес задал всем вопрос:

– Кто здесь хозяин?

– Везде, где находится Кванг, – сказал один из китайцев, – он один хозяин.

– Кванг?! – спросил изумленный Бартес и вдруг, обернувшись, увидел, что все китайцы пали на колени перед Фо и целуют ему ноги.

– Да, это он, Кванг, властитель острова Иена, великий мандарин с аметистовым шариком, глава Поклонников Теней, король рек и морей китайских и наш полновластный владыка и повелитель!

– Как? Так это вы, мой друг?! – воскликнул пораженный такой неожиданностью Бартес, не зная, верить ли ему своим ушам.

– Да, сын мой! – отвечал старый Фо. – Это я, который стоит на равной ноге с императрицей и принцем-регентом Китая и которого твои соотечественники послали в ссылку вместе с убийцами и ворами! Но я отомщу за себя! Ты можешь оставить при себе своего Неро: он, без сомнения, будет более верен тебе и более благодарен, чем люди.

Когда затем Бартес с почтительным волнением стал пожимать ему руки, Фо нежно привлек его к себе и вполголоса сказал:

– Ты также, сын мой, можешь теперь отомстить за себя: все мое могущество и богатство в твоём распоряжении.

При этих словах, так просто и твердо сказанных, безграничная радость овладела сердцем Бартеса: не жил ли он только для того в этом мире, чтобы осуществить свои желания, свои мечты – отомстить за себя и за несчастного отца своего, которого враги вогнали в преждевременную могилу несправедливостью и жестокостью!

Между тем раздалась команда, и шлюпка двинулась в путь. Подхваченная пенящимися волнами, которые бушевали у подножия скалы, служившей ей защитой от непогоды и огней «Бдительного», она быстро вышла в открытое море; опытный американец-офицер сумел избежать всех опасностей, и скоро она была уже у борта «Иена».

Тут нужно было особое умение и чрезвычайная осторожность, чтобы подойти к броненосцу и поднять на него пассажиров: при малейшей оплошности шлюпка могла так сильно удариться о его борт, что все ее пассажиры в одно мгновение могли быть выброшены в море и погибнуть в его бушующих волнах.

Но американский моряк был знаток своего дела, и все обошлось благополучно: шлюпка без сильных толчков причалила к «Иену», и все находившиеся в ней один за другим взошли на его палубу.

Все были спасены, и всех охватило чувство радости и удовлетворения. Уолтер Дигби, американский капитан и командир «Иена», приветствовал Кванга и повел его в назначенные для него покои в задней части судна. Прочие беглецы также были размещены в комфортабельных каютах, которые давно ожидали их.

Кролик, никогда не видевший ничего подобного на своем веку, сидя постоянно в грязных тюремных помещениях, наивно удивлялся такому вниманию к своей особе; закулив трубку и сев на прекрасный диван, бывший к его услугам, он сказал самому себе:

– Этот бравый старик Фо оказался важной особой, черт возьми, и вот я теперь, по милости его, почти буржуа! Теперь я могу не бояться жандармов и жить себе потихоньку да поменьку, благо в карманах у меня кое-что звенит!

XVII

Вечером на следующий день, после отдыха и сна, Фо позвал к себе Эдмона Бартеса.

– Садись, сын мой, – сказал молодому человеку Кванг, – и выслушай внимательно то, что я хочу сказать тебе... Хотя ты смотрел на меня в стране нашего общего заключения как на обыкновенного преступника, осужденного законами твоего отечества, но, клянусь Небом, брат родной не мог бы сделать того, что ты для меня сделал! Ты ухаживал за мной с преданностью и деликатностью, каких нельзя было ожидать от чужого человека и притом иноземца. Ты спас мне, стоявшему на краю могилы, жизнь... Короче, ты обращался со мной так, как истинный сын со своим отцом! И я тогда же в душе своей стал считать тебя своим сыном. Теперь я желаю усыновить тебя формально, согласно обычаям моей родины. У нас в Китае усыновление не есть один только юридический акт, как в вашей стране: у нас воля усыновляющего, освящаемая обрядами религиозными и гражданскими, дает, по нашим верованиям, усыновляемому звание действительного сына, сына крови и наследника предков. По воле Всемогущего Паньгу, усыновленный, свободно выбранный усыновителем и сердечно любимый им, должен быть почитаем в семействе наравне с отцом; он один совершает церемонии поминовения в честь предков на домашнем алтаре. У меня нет наследника, которому я мог бы передать свое имя и состояние. Итак, будь им ты, займи пустое место за домашним очагом старого Цин Ноан Фо, носи его имя и пользуйся его могуществом, когда его не станет! Не откажи мне в моем желании, если хочешь, чтобы последние дни, которые остается мне провести на земле, были для меня светлы и легки и чтобы я ушел удовлетворенный в страну судеб!

По мере того как старый китаец говорил, его фигура распрямлялась, глаза сверкали воодушевлением; он походил на пророка, который говорил от имени высших существ, и Бартес, невольно чувствовавший себя возбужденным, понимал теперь влияние этого человека на миллионы верующих, которыми он повелевал безгранично и которые по одному мановению его руки беззаветно жертвовали своей жизнью.

– Соглашайся, сын мой, принять мое предложение, – продолжал Кванг, – и ни один властелин земной не сравняется тогда с тобой в могуществе! Все они, эти властелины, повелевают только телами своих подданных, а ты будешь иметь в своем распоряжении души и сердца! В день, который должен наступить, ты сделаешься главой всех древневерующих, отвергнувших Будду, этого индусского бога, навязанного Китаю, и сохранивших в чистоте религию первых времен на земле; ты будешь Квангом, то есть лицом, почти равным самому Сыну Неба, ибо никто не знает числа Поклонников Теней, которые могут найтись и во Дворце императора, и даже между членами его семейства... Ты будешь царем смерти и владыкой жизни!

Обратившись сначала исключительно к сердцу молодого человека, Фо затронул наконец и его честолюбие, эту страсть, одинаково свойственную и высокоинтеллектуальным натурам, и узким, ограниченным умам, одинаково жаждущим владеть тем, в чем судьба отказала им в силу разных причин и житейских обстоятельств.

Слушая своего старого друга, Бартес был глубоко изумлен предложением, о котором он никогда и не помышлял и которое никогда даже не представлялось его воображению. Но несмотря на свое изумление, он имел возможность здраво обдумать то, что ему предлагалось, взвесив все его стороны, выгодные и невыгодные, все за и против, которые оно могло вызвать... Предоставленный одним своим силам, на что он может надеяться во Франции? На одно лишь то, что его снова сошлют в Новую Каледонию, если арестуют, как бежавшего из ссылки преступника. После смерти отца у него не осталось более ни одного родственника, а что касается друзей, то, исключая старого маркиза Коэлло и Гастона де Ла Жонкьера, на которых он, пожалуй, может рассчитывать, все прочие, столь многочисленные до его несчастья, поспешили его забыть; многие даже стали притворяться, что никогда не были знакомы с ним!.. Он с горечью

вспомнил, как двое или трое из таких господ, считавшихся горячими его друзьями, вдруг, когда над его головой разразилась катастрофа, бесцеремонно отвернулись от него, забыв не только денежные одолжения, которые делались им, но и отрицая свое знакомство «с плутом подобного рода».

«Мне ничего не остается, – сказал он самому себе, – как переменить кожу: Бартес должен исчезнуть! Небо посылает мне благодеяние, которым я могу прекрасно воспользоваться, так как оно дает мне средства открыть действительных преступников, соединившихся для того, чтобы погубить меня... О, они дорого заплатят за смерть моего отца и за мое бесчестие! Все будет приведено им на память, все они должны будут припомнить! Даю честное слово, что иначе и быть не может и не будет!»

– Ты колеблешься? – вдруг задал ему вопрос старый китаец, все время не сводивший глаз со своего собеседника.

– Нет, отец мой, – искренне ответил Бартес. – Я с живейшей благодарностью принимаю ваше предложение, которое должно соединить нас неразрывными узами! С этого дня мы – отец и сын, если вы этого желаете, более даже близкие, чем многие действительные отцы и сыновья!

Кванг не мог удержать радостного вскрика и прижал к своей груди молодого человека, на которого он смотрел теперь как на своего настоящего сына. Потом, поднявшись с места, он ударил в гонг, что было сигналом к появлению Ли Юнга и Ли Ванга, сопровождаемых другими китайцами и тремя товарищами Фо по заключению.

Он сообщил им о своем намерении и согласии Бартеса, что всех их крайне обрадовало, потом прибавил, что в этот же вечер желает совершить обряд усыновления.

Обряд был совершен при свете огней, зажженных с четырех сторон домашнего алтаря, которые должны были представлять четыре стороны Паньгу, Вечного Божества, никем не сотворенного, всегда существовавшего и существующего, не имеющего ни начала, ни конца и сотворившего Вселенную единой своей волей.

Кванг разделил с Бартесом небольшой хлебец из риса, поднес к его губам бокал с особым напитком, предварительно отпив немного из него сам, и произнес следующую торжественную речь:

– Эта пища, посвященная Великому Паньгу, да образует в наших двух телах одну кровь! Я, Цин Ноан Фо, верховный владетель острова Иена, великий глава Поклонников Теней, объявляю своим сыном предстоящего здесь Эдмона Бартеса под именем Цин Ноан Шунга, владетеля Иена, дабы он продолжал мой род до скончания веков и дабы совершал погребальные церемонии как на моей будущей могиле, так и на могилах моих предков – для их вечного успокоения и счастья в обители судеб!

Все это было произнесено три раза, после чего обряд усыновления был окончен. С этих пор, по китайским законам и обычаям, Бартес стал действительным сыном Фо и наследовал все его состояние. Затем был составлен акт усыновления, на котором подписались все присутствовавшие и который целиком внесли в книгу «Иена», где его скрепил своей подписью американец-командир броненосца. В заключение Кванг раздал своим новым приближенным разные звания и чины.

Бартес получил степень мандарина с аметистовым шариком, что равнялось званию адмирала, которому подчинены были все речные и морские джонки. Порник был награжден званием мандарина с голубым шариком, с чином лейтенанта на борту «Иена». Прочие два его товарища были внесены в число мандаринов низшего класса, с белыми шариками и с званием вторых лейтенантов судна. Ланжале, не бывший прежде моряком, получил чин, соответствующий капитану сухопутных войск.

Фо никого не хотел забыть своими милостями и вспомнил даже о Кролике, но Бартес воспротивился тому, чтобы и он получил какое-либо звание или чин, так как он был сослан за уголовное преступление, пятнающее честь. Наградить и его чином значило бы признать его

равным всем прочим, сосланным не за бесчестные проступки, а единственно за проступки против субординации.

Фо принял во внимание возражение своего сына и наследника и ограничился для Кролика денежной наградой.

XVIII

Кролик был не совсем дурным человеком. Если бы хорошенько разобрать все обстоятельства его жизни, то оказалось бы, что каприз судьбы, одних заставляющий родиться в раззолоченных палатах, а других – в какой-нибудь лачуге с продырявленной крышей, гораздо более был виноват в случайностях жизни этого человека, чем его собственная воля.

Он был сыном бродячих фокусников, родился, что называется, на большой дороге и никогда не знал другого имени, кроме как Кролик. Восемнадцатилетним юношей он уже принимал участие в представлениях на сцене, фигурируя рядом с прекрасной Фатимой, фавориткой марокканского султана, или с тюленем, обитателем полярных морей, или, наконец, с дикарем Огненной Земли, сплошь покрытым шерстью, который «удостоился особенного внимания его величества короля прусского и был предметом глубокого уважения господ ученых медицинской академии».

Однажды его хозяин, к которому он поступил после смерти родителей, давал представления в глухой провинции, усеянной множеством мелких деревень, расположенных недалеко друг от друга. Был праздник, и сбор получился очень хороший. Сосчитав заработанное, фокусник увидел себя обладателем ста шестидесяти франков, в числе которых оказалось, однако, мелкой фальшивой монеты франков на двадцать; она была очень искусно подделана, и малоопытный человек едва ли сумел бы отличить ее от настоящей.

Хозяин Кролика был раздосадован и долго бранился. Очевидно, глухая провинция изобиловала фальшивомонетчиками, которые сбывали свой товар кому придется, лишь бы только сбыть. Наконец он успокоился и послал Кролика сделать различные покупки у торговцев съестными припасами, дав ему для расплаты все свои фальшивые деньги. И вот булочник, мясник и тому подобные господа получили в уплату от Кролика поддельные сантимы и франки, а фокусники, довольные, в тот же день оставили изобретательную глухую провинцию...

К несчастью, фальшивомонетчики не их одних снабдили своим товаром: сказалось, что почти никто из торговцев не избежал той же участи, так что в общей сложности их убыток доходил до пятисот франков! Стали доискиваться, кто последний делал у них закупки, и вспомнили, что последним был Кролик, член труппы фокусников. Дали знать начальству, которое немедленно послало жандармов в погоню за ними.

Фокусники были остановлены... Чувя беду, хозяин труппы отпирался ото всего, говоря, что ничего не знает, так что в конце концов вся ответственность пала на одного Кролика.

Его обвинили даже в злостном намерении погубить своего патрона и заключили в тюрьму, где он должен был высидеть полгода, прежде чем предстать перед судом. И все потому, что он говорил одну правду, то есть только то, что с ним случилось!

На суде ему сказали:

– Назовите нам ваших сообщников, и ваша участь будет, вероятно, смягчена, особенно если присяжные примут во внимание вашу молодость.

– Каких сообщников? У меня их нет! – возразил бедный юноша, не зная, что и думать о таком странном требовании.

– А-а, вы упорствуете! Это будет принято к сведению! – грозили ему.

Защитник его пустился в риторику, которая только утомляла слушателей, никого не убеждая. Результатом ее было полное осуждение подсудимого, который был приговорен к пятнадцатилетней ссылке и каторжным работам.

– Я сделал все, что мог, – утешал его защитник, – вас сначала пошлют в Кайенну на пять лет, а потом на остальные десять в Новую Каледонию, где климат несравненно лучше, чем в Кайенне. Не падайте духом, – дело еще не так дурно, как могло казаться!

Эта первая ссылка Кролика была вопиющей несправедливостью; что же касается второй, то она была вполне заслужена, потому что была следствием первой...

Несчастный Кролик попал в общество разных преступников, в числе которых были и фальшивомонетчики; эти последние, узнав, что он «их поля ягода», приняли его в свою компанию и обучили всем тайнам и тонкостям своего ремесла...

Из ссылки он возвратился опытным малым, тогда как пятнадцать лет назад едва даже знал, за что его сослали, и в скором времени попался снова – за распространение фальшивых кредитных билетов. На этот раз его присудили к вечной каторге, но благодаря покровительству Эдмона Бартеса на ней он пробыл только один год.

На «Иене» он обратился к своему покровителю со следующим вопросом:

– Милостивый государь, не могу ли я получить маленькое местечко на вашем судне?

Бартес прямо сказал ему, в чем дело.

– Вы правы, – согласился с ним Кролик. – Но скажите мне, что же вы намерены делать со мной?

– Высадить тебя в первом порту по твоему выбору, будет ли это в Китае или в Америке.

– Но что я там стану делать? Я не знаю ни по-китайски, ни по-английски и не выучился никакому полезному ремеслу, так что меня снова возьмут и посадят куда-нибудь... Между тем я чувствую искреннее желание сделаться снова честным человеком! Подумайте, господин Бартес, что меня до сих пор никто не научил ничему хорошему, а общество сумело только сослать меня в восемнадцать лет на каторжные работы – за вину других! Если бы патрон мой признался в получении неизвестно от кого фальшивой монеты, с которой послал меня делать разные покупки, меня бы оправдали, и я не попал бы в первую ссылку, научившую меня, «как жить на белом свете»... Теперь, если никто не протянет мне руку помощи, я принужден буду вернуться в отечество. Ну, а там очень скоро меня изловят и снова отправят в ссылку – «с отягчающими вину обстоятельствами»... А между тем я все-таки, повторяю, искренне хочу быть честным человеком! Подумайте об этом, милостивый государь, и пощадите меня!

Это чистосердечное признание тронуло Бартеса, который решил дело так:

– Хорошо, – сказал он, – я постараюсь сделать для тебя то, чего не сумело сделать общество. Я принимаю тебя к себе на службу сроком на год, считая с сегодняшнего числа. Если в течение этого срока ты безукоризненно будешь исполнять свои обязанности, то, при желании, сможешь потом остаться при мне навсегда; в противном же случае ты будешь высажен в первом порту, выбранном, как я сказал уже, по твоему желанию.

– Я с благодарностью принимаю все ваши условия и надеюсь, что не подам вам ни малейшего повода быть недовольным моей службой! – воскликнул Кролик в восторге.

– Тем лучше! – сказал Бартес. – Я вижу, что ты в самом деле желаешь выйти на честную дорогу. Хорошо! У тебя есть ловкость и понятливость, которые мне будут нужны во многих случаях, и я буду давать тебе некоторые секретные поручения.

– И вы увидите, как точно я буду исполнять их, потому что я умею повиноваться. С этого дня я ваш покорный и верный слуга, вернее которого вы, может быть, не найдете!

Таким образом Кролик нашел себе дело на «Иене».

Между тем через несколько дней после бегства из Новой Каледонии старый Фо, или Кванг, заболел, простудившись при переправе с берега острова Ну на «Иен», когда разъяренные волны окатывали своими брызгами с ног до головы всех беглецов. У него началось воспаление легких, и дни его были сочтены.

Понятна поэтому та поспешность, с какой он старался совершить обряд усыновления, отвечавший как его личной привязанности к Бартесу, так и религиозному верованию китайцев; по этому верованию, отец после своей смерти до тех пор не может войти в область вечного успокоения и удовлетворения, пока сын не исполнит на его могиле всех предписанных погребальных церемоний. Пока они не совершены, душа его блуждает вокруг кладбища предков и

домашнего очага, и голос его слышится по ночам то в завываниях бури, то в плеске волн, то, наконец, примешивается к крикам филина – это значит, что умерший требует успокоительных молитв. Но это еще не все: молитвы сына могут вселить его в обитель самых высших радостей, в которую обыкновенно умерший попадает не сразу, а проходя определенные для всякого смертного этапы...

Поэтому так важно для всякого китайца оставить после себя непременно сына, который мог бы исполнить все предписанные погребальные церемонии на его могиле. Отсюда также обычай – непременно усыновить кого-нибудь, если нет собственного сына, так как все прочие дети иного пола, сколько бы их ни было, не имеют никакого в этом случае значения для отца.

Сын, собственно говоря, есть жрец своего семейства в Китае: он не только для умершего отца, но и для умершей матери совершает молитвы и церемонии на их могилах, а равно может делать то же самое и для прочих членов семейства, отошедших в вечность.

XIX

Престарелый Фо, или Цин Ноан Фо, что значит «Всемогущий Фо», был женат два раза в годы своей молодости, но от обоих браков имел не сыновей, а лишь дочерей, которые были им выданы за очень влиятельных лиц при императорском дворе. Неимение наследника-сына сначала не слишком беспокоило Фо, так как он надеялся иметь еще детей. Но мало-помалу эти надежды угасали и наконец совершенно исчезли. Тогда-то Кванг и принял твердое намерение усыновить молодого человека, который выказал ему такую преданность и такое бескорыстие, самоотверженно ухаживая во время болезни за тем, кого он принимал за какого-нибудь обыкновенного китайца из Кохинхины, сосланного за кражу или за что-нибудь в этом роде.

Приняв такое намерение, старый китаец сделался спокоен и даже весел, хотя его здоровье, подорванное ссылкой, угасало с каждым днем. Старческий возраст, видимо, брал свое. Правда, ни сам Фо, ни его приближенные не знали точно, сколько ему от роду лет, – китайцы вообще не любят вести счет своим годам, находя этот обычай даже противным религии, – но никто не сомневался, что Фо был стар, очень стар.

Сопоставляя некоторые события, например, войну с англичанами за ввоз опиума, Ли Юнг и Ли Ванг предполагали, что с того времени, как Цин Ноан Фо наследовал последнему Квангу, должно было пройти не менее пятидесяти лет; если же учесть, что тогда ему было тридцать лет от роду, оказывалось, что в данное время возраст Фо составлял не менее восьмидесяти лет – время, когда человек должен готовиться к последнему концу. И этот конец не заставил себя долго ждать.

Однажды утром, три недели спустя после бегства из пенитенциарного заведения, Фо почувствовал, что не может встать с постели. Его ноги, давно уже плохо служившие своему владельцу, так распухли, что совсем отказывались повиноваться. Лишь голова была еще свежа, и ясное сознание ни на минуту не покидало старика.

Испуганный таким состоянием здоровья своего старого друга, бывшего теперь ему отцом, Бартес решил немедленно плыть в Сан-Франциско, где можно было найти хорошую медицинскую помощь. Что из этого вышло – мы уже знаем. Приглашенный доктор прямо объявил, что нет никакой надежды на выздоровление больного, и можно лишь на несколько часов отдалить роковой исход болезни при помощи самых сильных лекарств.

Отлично сознавая свое положение и не обольщаясь никакой надеждой, Фо и сам не рассчитывал на выздоровление и лишь просил доктора продлить ему жизнь до вечера, так как ему предстояло привести в должный порядок свои дела. Врач отвечал, что он может рассчитывать еще на десять часов жизни.

– Для этого, – прибавил он, – продолжайте принимать прописанное мной питье, и чем чаще, тем лучше!

– Благодарю вас! – ответил Фо. – Десять часов – это такой срок, который именно мне и нужен. Большого мне и не надо. Приходите вечером непременно: я желаю, чтобы вы присутствовали при моих последних минутах. Я имею особенные причины желать вашего присутствия.

– Ваше желание будет исполнено, – согласился доктор, – я постараюсь быть точным и аккуратным.

Старый китаец говорил так же спокойно и твердо, как в лучшие дни своей жизни. Привыкнув, подобно всем своим соотечественникам, презирать смерть, он был убежден: чему быть, того не миновать и жизнь каждого человека заранее вписана в «книгу судеб».

Едва доктор ушел, Кванг велел принести себе ящик из слоновой кости с золотым замком, вверенный им для хранения перед поездкой во Францию Ли Юнгу, и, когда ящик был принесен, сказал, чтобы его оставили вдвоем с сыном...

Несколько часов умирающий провел затем с глазу на глаз с Бартесом, но что они делали – осталось неизвестным. Без сомнения, старый китаец давал своему наследнику полезные советы, без которых тому нельзя было бы исполнять свои новые обязанности.

Закончив наконец совещание, Фо попросил своего наследника отпереть дверь и впустить к нему всех ожидавших его последних распоряжений, а сам запер таинственный ящик и, подавая Бартесу ключ, сказал:

– Все, что ты найдешь там, в этом ящике, все будет твоим. Там также и завещание мое, в котором никто не забыт мной. Но особенный пакет, который ты увидишь на дне ящика, ты вскроешь только на острове Иен, когда вступишь во дворец, жилище Квангов... Теперь прощай, мой сын, обними меня в последний раз!

Едва Бартес с глухими рыданиями исполнил эту последнюю просьбу своего друга и отца, как в каюту больного вошли все пассажиры «Иена» во главе с приехавшим в эту минуту доктором.

Умирающий снял с себя известное нам кольцо и, надев его на руку Бартеса, обратился к Ли Юнгу и Ли Вангу:

– Поклянитесь, что будете повиноваться этому молодому человеку, моему сыну и наследнику: он теперь Кванг!

– Клянемся! – ответили оба китайца, падая на колени.

– Клянитесь быть палкой в его руках, которая бьет, и мечом, который поражает непокорных!

– Клянемся!

– Клянитесь, что всех наших братьев приведете к покорности ему, моему единственному сыну и наследнику!

– Клянемся!

– Клянитесь, что укажете ему место хранения вековых сокровищ, принадлежавших Квангу!

– Клянемся!

– Хорошо! – заключил наконец Фо. – Ваши клятвы вписаны с этой минуты в «книгу судеб».

Потом, собрав последние силы, он торжественно воскликнул:

– Приветствую Кванга, сокрытого в жилище Вечности! Приветствую Короля Смерти!

На это все стоявшие перед ним китайцы ответили дружным возгласом:

– Приветствуем нового Кванга в его начинающемся могуществе и величии! Да здравствует Властелин Жизни!

Не успели смолкнуть эти крики, как старый Кванг испустил последнее свое дыхание...

XX

Тело умершего Фо было набальзамировано под наблюдением доктора, присутствовавшего при его последних минутах, и положено на парадном катафалке, на среднем мостике судна. Там оно находилось двое суток, в продолжение которых около катафалка беспрестанно теснились посетители разных наций, но более всего – китайцы. Эти люди, столь презируемые и едва терпимые в Америке, хотя их в Сан-Франциско, например, насчитывают до восьмидесяти тысяч, спешили отдать честь своему умершему соотечественнику, не догадываясь, впрочем, кто он был, и в то же время рады были посмотреть на великолепное судно, принадлежавшее их стране, которое они видели первый раз в своей жизни и которым очень гордились. Приезжая на «Иен», они привозили с собой огромные венки из роз, иммортелей и померанцевых цветов, которыми и украшали тело покойника. Кроме того, целая депутация из представителей китайского предместья явилась выразить свое соболезнование офицерам «Иена» по случаю смерти их командира. Порник, в качестве первого лейтенанта судна, провел их к Бартесу, при котором находились Ли Юнг и Ли Ванг. Китайские представители, подобно американцам, не могли признать в китайцах судна европейцев, ставших лишь недавно сынами Небесной Империи, – до того велик был эффект способа превращения, употребляемого в подобных случаях. А между тем ничего не могло быть проще этого способа. Весь фокус состоял в том, что наши герои ляписным карандашом подрисовали себе ресницы, удлинив их с одного конца к носу, а с другого к бровям. Эта примета, по которой узнают китайца между другими народностями, так характерна, что если она есть налицо, то о других, второстепенных, признаках обыкновенно не заботятся. Впрочем, Бартес, в интересах которого более всего необходимо было походить на китайца, кроме этой гримировки, остриг себе по-китайски усы.

Не одних только китайцев видел на своей палубе «Иен». Многие американцы также явились посмотреть на китайский броненосец и во главе их – сам губернатор штата, прибывший с ответным визитом к Бартесу. Последний, однако, не мог его принять по случаю траура, и губернатор должен был удовольствоваться простой передачей ему своей визитной карточки.

Вообще прибытие «Иена» в столицу Калифорнии было настоящим событием, о котором только и говорили в городе. Разные обстоятельства еще более способствовали возбуждению общего любопытства: таинственное появление судна, проход его в порт без лоцмана, его великолепная отделка и солидное вооружение, изящные манеры китайского адмирала, принца Иена, и, наконец, смерть Фо, его отца, последовавшая в самый день прибытия судна. Всего этого было даже слишком много, чтобы до крайности возбудить любопытство янки, в характере которых, в сущности, очень много детского, несмотря на всю их деловитость. Это единственный народ на нашей планете, у которого соприкасаются такие крайности, как дело и развлечение, спекуляции и фланирование, сведение конторских счетов и выискивание по перекресткам улиц фантастических афиш. У них возможны, например, такие сценки. Какой-нибудь мистер Джон говорит мистеру Гарри:

– Как сахар завтра? – и в ту же минуту кричит во все легкие,

– Урра, Барнум, урра!..

«Как сахар завтра» – значит: «Какая цена будет завтра сахару?», потому что янки не любят лишних слов и сокращают свои деловые фразы до крайнего предела.

Мистер Гарри отвечает:

– Н-знай, Джон! Урра, урра, Барнум! П-чем свин-сал Цинц-ннат?.. Урра, урра, Барнум!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.